

бернар
[вербер]

тайна богов

Заключительный роман "божественной" эпопеи - "Тайна богов".

Новая книга "Саги о Богах", задуманной Бернаром Вербером, чтобы "по-своему рассказать историю человечества".

Главная интрига для поклонников Вербера заключается в том, даст ли автор в конце "Тайны богов" достойное ожидаемое завершение либо поставит многоточие.

Над людьми - ангелы.

Над ангелами - боги.

Над богами - ?

"Вам не нравится этот мир? Придумайте другой, который будет лучше".

"Вы считаете, что Бог несовершенен? Встаньте на его место".

Б.Вербер

Бернард Вербер

Тайна Богов

Читателям, которые, несмотря на страшную силу телевидения и Интернета, семейные проблемы, компьютерные игры, спорт, ночные клубы и сон, все-таки нашли несколько часов, чтобы мы могли пообщаться Я просто нить, связывающая букет.

Не я придумал цветы, их форму, цвет и запах.

Моя единственная заслуга в том, что я собрал их и составил букет, в котором они выглядят по-новому.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания

Не жалуясь на тьму. Стань сам маленьким источником света.

Ли Ван Пу, китайский философ III в.

Надпись, нацарапанная циркулем на парте:

Бог умер. Ницше

Ниже фломастером приписано:

Ницше умер. Бог

Человек – это часть целого, которое мы называем Вселенной, часть, ограниченная во времени и в пространстве. Он ощущает себя, свои мысли и чувства как нечто отдельное от всего остального мира, что является своего рода оптическим обманом. Эта иллюзия стала темницей для нас, ограничивающей нас миром собственных желаний и привязанностью к узкому кругу близких нам людей. Наша задача – освободиться из этой тюрьмы, расширив сферу своего участия до всякого живого существа, до целого мира, во всем его великолепии. Никто не сможет выполнить такую задачу до конца, но уже сами попытки достичь эту цель являются частью освобождения и основанием для внутренней уверенности.

Альберт Эйнштейн.

**ТВОРЕНИЕ В ЖЕЛТОМ
ВОЗВРАЩЕНИЕ В РАЙ**

1. МЕЧТАЯ О ЗВЕЗДАХ

Сон.

Мне снится сон.

Мне снится, что я человек и живу как все.

Проснись...

Я продолжаю лежать с закрытыми глазами, оставаясь в мире сновидений.

Проснись же!

Во сне ли меня будят или на самом деле?

Я зажмуриваюсь, чтобы скрыться от реальности. Ничего не хочу видеть.

Мне снится, что я мирно сплю, свернувшись на кровати черного дерева, на белых льняных простынях, в комнате с голубыми стенами, на которых висят цветные фотографии закатов.

Из окна доносится шум машин, фыркание автобусов, резкие гудки, воркование голубей. Включается будильник.

– Быстро вставай! Ну! Это мне кажется?

Чья-то рука трясет меня за плечо.

– Мишель, просыпайся!

Мой сон – машины, автобус, деревья – разваливается на куски и исчезает. Удивленные люди с хлопанием растворяются вместе с улицами. Тают дома, тротуары, покрытые асфальтом, газоны, леса, земля и песок, образующие покров планеты; их словно засасывает в огромный пылесос. Остается только голый шар, похожий на бильярдный. И он все уменьшается.

Спасаясь с крохотной планеты, я выпрыгиваю в космос, как рыба из воды, и плыву в межзвездном пространстве. Плыву брассом, так быстрее.

– Да проснись же наконец!

Я покидаю одну реальность и выныриваю в другой.

– Мишель, вставай! Нужно торопиться!

Розовые губы приоткрываются, за ними виден туннель; я различаю небо, язык, блестящие зубы. В самой глубине трепещет гортань.

– Пожалуйста, ответь мне! Не засыпай снова. У нас очень мало времени!

Широко раскрыв глаза, я смотрю на того, кому принадлежит этот голос. Это женщина. У нее правильные черты лица, длинные вьющиеся каштановые волосы, живой взгляд.

Она улыбается мне. Она прекрасна.

Я тру глаза.

Комната с высоким потолком и каменными стенами. Простыни из серебристого шелка. В распахнутое окно я вижу гору, ее вершина окутана облаками. Все тихо. Свежий воздух пахнет цветами и травой, на которой еще не высохла роса. Никаких машин, фотографий закатов и будильника.

Да-да, я припоминаю.

Меня зовут Мишель Пэнсон.

Я был Смертным, врачом-анестезиологом. Заботился о пациентах.

Был Ангелом. Заботился о трех душах несколько жизней подряд.

Стал богом, богом-учеником. Заботился о целом народе, помогал ему выжить на протяжении нескольких веков.

Я в Эдеме, на учебной планете богов, затерянной где-то в космосе. Мне нужно стать лучшим из 144 учеников, победить всех своих соперников.

Я глубоко вздыхаю. И вспоминаю все, что недавно произошло со мной.

Я видел страдания своего народа, помню, как взбунтовался и стал подниматься на гору, чтобы узнать – что за свет сияет там, на вершине, сквозь плотную завесу облаков?

Это постоянное стремление узнать больше, чем может вместить сознание...

Прекрасная женщина стоит передо мной, смотрит мне в глаза и говорит:

– Мишель, мы не можем больше терять ни секунды. Нужно идти прямо сейчас.

Я откидываюсь на подушки и спрашиваю:

– Что происходит?

– Что происходит? Прошла целая неделя, с тех пор как ты ушел. Целую неделю Игра продолжалась без тебя. Через час начнется финальная партия. Когда она закончится, мы узнаем, кто победил и получит право пройти по Елисейским Полям и увидеть самого Создателя. Вот что происходит!

Финальная партия сегодня? Нет, не может быть! Сон становится кошмаром.

– Пошевеливайся, Мишель! Если ты не соберешься через несколько минут, все твои усилия пропадут даром. Твой народ погибнет, а ты проиграешь.

Мороз по коже. Я вдруг осознаю, кто я и что мне нужно делать. Мне страшно.

2. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТРИ СТАДИИ

Эволюция любой души проходит три стадии:

1. страх,
2. появление вопросов,
3. любовь.

Любая когда-либо рассказанная история повествует об одном из этих этапов. Истории эти могут происходить в течение одной жизни, нескольких воплощений, одного дня, часа или минуты.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

3. ЗАВТРАК

Поцелуй.

Красавица наклоняется и целует меня, и еще раз, крепче. Это Мата Хари, бывшая голландская танцовщица и французская шпионка, моя подруга в Эдеме.

– Быстрее! Счет идет на секунды.

Она бросает мне анкх, волшебный инструмент, при помощи которого я могу метать молнии и наблюдать за смертными. Я надеваю этот символ нашей власти на шею и начинаю быстро одеваться.

Мата Хари рассказывает:

– Сегодня утром кентавры принесли тебя домой. Пока тебя не было, тут многое произошло.

Она подает мне кожаные сандалии, набрасывает ремень сумки на плечо, и мы выбегаем из дома, даже не заперев дверь.

Снаружи ветрено. Я хотел идти к Восточным воротам, Елисейским Полям и дворцам старших богов, но Мата Хари сворачивает в другую сторону.

– Лекции окончены. Финальная партия состоится в амфитеатре.

Мы бежим по широким пустынным проспектам Олимпии. Не видно ни богов-преподавателей, ни учеников, ни химер, насекомых, птиц. Слышно лишь журчание фонтанов и шум листвы. Я вновь поражаюсь величественности города, восхищаюсь ухоженными садами, цветущими аллеями, статуями, оливами с узловатыми стволами – все здесь поистине великолепно.

Небо у нас над головами черно, земля под ногами белая. Молния прорезает тучи, но дождя пока нет. У меня возникает странное ощущение.

Ощущение конца света. словно вот-вот разразится катастрофа.

Порывы ветра усиливаются. Становится все холоднее. Раздается колокольный звон. Мата Хари тянет меня за руку, и мы бежим, задышавшись.

Я вспоминаю зимние утра из моей прошлой жизни. Мама так же тащила меня за руку в лицей на экзамены. Она говорила: «Будь честолюбивым. Целься как можно выше. Тогда, даже если ты не выполнишь и половины намеченного, все равно многого добьешься». Что бы она сказала теперь, если бы увидела меня здесь, в Олимпии, накануне финальной партии?

Мы мчимся через Олимпию.

Впереди я вижу маленькую крепкую фигуру Маты Хари. Ветер треплет ее темные волосы. Я следую за ней, сворачивая в улочки, пересекая проспекты.

– Быстрее, Мишель! Двери закрывают!

Наконец, мы у амфитеатра, огромного каменного строения с барельефами, на которых изображены титаны, вооруженные копьями и щитами. Они борются с героями. Два упитанных кентавра стоят по обе стороны от главного входа, скрестив руки на груди, и бьют копытами о землю. Из ноздрей у них вырывается пар. Холодно.

Едва заметив нас, кентавры трубят в рога, возвещая о нашем прибытии. Тяжелая дубовая дверь со скрипом отворяется. Выходит бородатый бог-преподаватель почти трехметрового роста. Его голову венчает венок из виноградных листьев.

– Мишель Пэнсон! – восклицает Дионис. – Верно о тебе говорят: Тот, которого ждут. Некоторые уж думали, что ты пропустишь Финал.

Бог воров впускает нас и запирает огромную дверь.

– Началось? – с тревогой спрашивает запыхавшаяся Мата Хари.

Дионис поглаживает бороду и подмигивает.

– Нет-нет, мы собирались запереть двери, но до начала партии еще целый час. Успеете спокойно позавтракать. Поручаю вас заботам этой барышни.

Полубогиня ора Дике ведет нас по мраморным коридорам и мощеным дворам в зал, где накрыт завтрак. На столах стоят кувшины с кофе, чаем, молоком, горячим шоколадом. Вокруг главного, круглого стола я вижу других учеников-финалистов. Они завтракают.

Вначале нас было 144. Когда я бежал, чтобы подняться на вершину горы, уже больше половины выбыли из игры, не говоря уж о тех, кто погиб от руки богоубийцы. Теперь нас осталось всего 12.

Я увидел:

Жоржа Мельеса, бога людей-тигров,

Густава Эйфеля, бога людей-термитов,

Симону Синьоре, богиню людей-цапель,

Бруно Баллара, бога людей-коршунов,

Франсуа Рабле, бога людей-свиней,

Тулуз-Лотрека, бога людей-коз,

Жана де Лафонтена, бога людей-чаек,

Эдит Пиаф, богиню людей-петухов.

И еще юношу, имя которого я забыл, потому что не был с ним близко знаком.

Похоже, Мата Хари знает этого полного блондина.

– Это Ксавье Дюпюи, – шепнула она мне, – бог людей-акул. Сначала у него было небольшое царство, потом он вооружил подданных и создал военную аристократию. Ему удалось объединиться с соседями, сейчас у него промышленный подъем. Города растут и процветают. Он довольно опасен, да еще у его народа сейчас демографический взрыв.

Соперники приветствуют нас, однако всех занимает только предстоящая партия, как Олимпийские игры – спортсменов.

В углу, в стороне от всех, сидит Рауль Разорбак, бог людей-орлов. Я сразу узнаю его лицо, удлиненное и острое, как нож, и взгляд – сумрачный и спокойный. В одной руке он держит чашку, другую протягивает мне. Я смотрю на него.

– Мишель, только не говори, что ты еще сердишься.

– Как я могу простить тебя? Ты украл проповедь терпимости и милосердия у моего пророка и обратил его слова против моего же народа, призывая к расизму!

Рауль нахмуривается. Обычно он совершенно невозмутим, но сегодня я чувствую, что он напряжен.

– Ты опять за своё! Неужели ты воспринимаешь все это всерьез? Мишель, это же просто игра. Это просто смертные! А смертные, как известно, должны умирать. Мы боги, мы выше этого. Люди всего лишь фигуры в нашей шахматной партии, а разве ты оплакиваешь пешку, которую съел противник?

Он беззаботно пожимает плечами и снова протягивает мне руку.

– Мы были друзьями. И всегда ими останемся.

– Рауль, это не пешки. Это живые существа, способные испытывать боль.

Разорбак опускает руку и насмешливо смотрит на меня.

– Ты слишком сильно переживаешь игру. У тебя всегда были достаточно наивные представления о предназначении бога. Всегда хочешь быть положительным киногероем, да, Мишель? Это тебя погубит. Важно победить, а не казаться хорошим.

– Позволь мне остаться при своем мнении.

Рауль пожимает плечами и залпом допивает кофе.

– Кладбища переполнены хорошими людьми, а циничные мерзавцы покоятся в пантеонах и

мавзолеях. Но именно мерзавцев выбирают историки, которые пишут для будущих поколений. Именно мерзавцы со временем становятся героями, окруженными ореолом славы. Нам с тобой это особенно хорошо известно, ведь мы знаем, как все было на самом деле.

– В этом как раз и заключается разница между нами с тобой, Рауль. Ты замечаешь несправедливость, а я пытаюсь бороться с ней.

В глазах моего соперника вспыхивает огонек.

– Ты забыл, Мишель, что это я заразил тебя желанием увидеть Континент мертвых? Ты забыл девиз танатонавтов, который мы повторяли, когда наши души выходили из тел, чтобы исследовать загробный мир?

– Вместе против идиотов.

– Точно. И еще: Вперед, навстречу неизвестному. Душа обязана наблюдать и постигать. Не вставать на чью-то сторону, а идти вперед, к неизведанному. Мы стремимся увидеть реальность такой, какая она есть, а вовсе не быть «хорошими».

Последнее слово он произнес с особым презрением. Все прислушивались к нашему разговору, но не вмешивались.

– Ты забыл и наш девиз, когда мы были ангелами? «Любовь – наш меч». Мы сражаемся во имя любви, – сказал я.

– Полностью это звучало так: «Любовь – наш меч, юмор – наш щит». Юмор, способность все считать относительным. Тебе прекрасно известно, что самые страшные боины начинались во имя любви, самые страшные войны велись за религию или родину. А заканчивались они нередко именно благодаря чувству юмора. И благодаря чувству юмора свергали тиранов. Куда девалось твое чувство юмора, Мишель?

Рауль, вскочивший было на ноги, снова сел и взял кусок кекса.

– Оно исчезло, когда я увидел, как твои люди-орлы превратили орудие пытки, которым они казнили моего пророка, в символ объединения. Моим символом была рыба, а не человек, посаженный на кол!

Рауль, жуя, ответил:

– Я поступил так, чтобы твое послание не погибло... Было необходимо повлиять на умы. Признай, что изображение орудия пыток впечатляет сильнее, чем рыба.

Я повысил голос.

– Ты убил моего пророка! Ты украл и извратил мое послание людям!

– Мишель, ты жалкий идиот. Ты ничего не понимаешь в истории мира.

Я схватил Рауля и швырнул его на землю, вцепился ему в горло и начал душить. К моему великому изумлению, он не сопротивлялся. Когда он захрипел, вмешались Густав Эйфель и Жорж Мельес. Они подняли нас и растащили в разные стороны.

– Эй, сегодня Финал! – воскликнул Бруно Баллара. – Если вам приспичило выяснять отношения, заставьте ваши народы сделать это.

Эдит Пиаф поддержала его:

– После этой партии останется только один, а остальные одиннадцать будут ликвидированы.

– Мы тут как гладиаторы за минуту до выхода на арену, – кивнул Ксавье Дюпюи. – Не стоит убивать друг друга, пока не подали сигнал.

Мата Хари помогла мне отряхнуться.

– Поешь. – Она протянула мне круассан. – Тебе понадобятся силы во время игры.

Я налил себе кофе.

Мы все испытующе смотрели друг на друга. Жан де Лафонтен попытался разрядить атмосферу.

– Смертные даже не понимают, как им повезло... что они не боги!

– И что они не знают о мирах, которые существуют вокруг них, – добавил Франсуа Рабле.

– Иногда мне кажется, я предпочел бы ничего не знать об этом и не иметь той власти, которую имею сейчас. Все эти люди, которые поклоняются нам, все это накладывает на нас такую ответственность... – сказала Симона Синьоре.

– Через несколько часов все решится, – пробормотал Тулуз-Лотрек.

Я выпил еще несколько чашек кофе, пока Мата Хари не отобрала у меня кувшин.

– Хватит, не то у тебя будут дрожать руки, и ты ударишь молнией куда-нибудь не туда.

Она прижалась ко мне. Я чувствовал ее мягкую грудь.

– Я хочу тебя, – шепнула она мне на ухо.

– Здесь? Сейчас?

– Да, прямо перед Финалом. Потом будет поздно.

– Я не умею заниматься любовью впопыхах. Она увлекла меня за собой в темный коридор.

– Научишься. Я как растение – со мной нужно много разговаривать и много поливать.

Мы шли по длинным коридорам, выкрашенным в красный цвет.

Когда мы отошли достаточно далеко, Мата Хари, не отпуская меня, опустилась на мраморный пол. Мы начали целоваться и ласкать друг друга.

Моя подруга была то полководцем в нашей любовной битве, то дирижером, когда наши тела исполняли на полу медленный, полный страсти танец, ритм в котором задавала она. Когда, наконец, мы упали, обессиленные и задыхающиеся, прижимаясь друг к другу, она достала что-то из своей сумки и протянула мне.

– Что это?

– То, что поможет нам.

Я развернул ткань и увидел знакомую обложку «Энциклопедии относительного и абсолютного знания».

– Я стала писать продолжение, чтобы все это наследие не было утрачено. Столько знаний могло безвозвратно пропасть. Некоторые куски мне пришлось написать заново по памяти. Не удивляйся, когда тебе попадет новая версия того, что ты много раз читал раньше. Я добавила и другие тексты после того, как сделала несколько открытий во время твоего отсутствия.

На первой странице я нашел то, что Эдмонд Уэллс считал самым важным и повторял нам перед каждой экспедицией. Мата Хари изложила это по-своему, но смысл остался тот же.

4. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: СИМВОЛИКА ЦИФР

Символика цифр рассказывает (или обсчитывает) историю развития сознания. Любой роман, любая драма могут быть включены в рисунок, который всегда у нас перед глазами, хотя мы не даем себе труда взглядеться в него.

Чтобы расшифровать его, нужно знать, что горизонтальные линии означают привязанность, изогнутые – любовь, а пересечение линий (крест) символизирует возможность выбора или испытание.

Таким образом, получается вот что.

1 – минерал. Вертикальная черта. Горизонтальных линий, выражающих привязанность к чему-либо, нет. Нет изогнутых линий, значит, нет и любви. Камень ни с чем не связан и ничего не любит. В единице нет пересекающихся линий, она не подразумевает испытаний. Мы в самом начале развития материи. Единица – это инертная материя.

2 – растение. Жизнь начинается. Горизонтальная черта внизу означает связь растения с землей. Корни удерживают его на месте, оно не может перемещаться. Изогнутая линия вверху означает любовь, которую растение испытывает к небу, солнцу, свету. Растение привязано к земле и любит небо.

3 – животное. Две изогнутые линии. Животное любит небо и землю, но не привязано к ним. Тройка – это два рта, один целует, другой кусает. Животное – это эмоция в чистом виде. Оно живет, разрываясь между страхом и желанием. Без привязанностей.

4 – человек. Пересечение линий. Перепутье между тройкой-животным и следующей стадией, пятеркой.

5 – человек сознательный. Противоположность двойки. Верхняя черта означает, что человек привязан к небу, нижний изгиб говорит о том, что человек любит землю. Он парит над человечеством и наблюдает за ним, чтобы понять и полюбить.

6 – ангел. Изгиб любви, спиралью поднимающийся к небу. Ангел – это чистая духовность.

7 – бог-ученик. Крест. Еще одно пересечение линий. Противоположность четверки. Бог-ученик – это промежуточная стадия между ангелом и следующим уровнем.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI (по материалам тома III)

5. ПОДГОТОВКА

– Шестой том?

Мата Хари из скромности подписывалась именем Эдмонда Уэллса, автора проекта.

– «Мы просто нить, связывающая букет», – напомнила она.

Я пробежал глазами еще несколько строк.

– По материалам третьего тома?

– Я сделала, что могла. Главное было сохранить дух и смысл статей.

Я закрыл книгу. Мата Хари сделала все для того, чтобы бесценные знания не были потеряны.

– Сколько сейчас времени?

Мата Хари посмотрела на экран своего анкха.

– У нас еще минут пятнадцать.

Она вытащила из сумки пачку сигарет и спички. Закурила, протянула сигарету мне.

Давно, когда я был смертным и врачом, я ненавидел никотин, яд, уничтожающий легкие. Но теперь все происходящее было настолько невероятным, что я наплевал на свои прежние взгляды.

– Последняя сигарета перед смертью?

– Нет. Просто сигарета после секса.

Я глубоко затянулся и тут же закашлялся.

– Что-то я отвык.

Мата Хари прижалась ко мне и прошептала.

– Я люблю тебя.

– Почему?

Она потерлась носом о мой нос и посмотрела в глаза.

– Может быть, потому, что ты... милый. Ты чудовищно неуверен в себе, ты самый большой неудачник и растяпа какого я знаю. Но только ты попытался забраться на гору, чтобы увидеть Зевса. Ты решился сделать это.

Я подскочил от негодования.

– Я не просто попытался! Я говорил с ним! Мата Хари ласково гладит меня по плечу, словно ребенка, который врет.

– Ты такой фантазер, Мишель.

– Это не фантазии! Я действительно поднялся на самую вершину и видел все, что там происходит.

Я разворачиваю ее к себе, чтобы видеть ее лицо.

– Поверь мне!

– Они сказали нам, что...

– Не надо слушать их, Они манипулируют нами. Я не знаю, с чего начать.

– Как ты думаешь, что там со мной случилось?

– Ты украл крылатого коня Афины, начал подниматься на гору, а потом конь тебя сбросил.

Тебя схватили кентавры и на неделю посадили в тюрьму, чтобы наказать за дерзость. Потом они отпустили тебя, чтобы ты принял участие в Финальной игре.

– Все было не так.

Мата Хари недоверчиво смотрит на меня.

– И что же, по-твоему, произошло?

– Не «по-моему». На самом деле. Меня никто не останавливал. Я поднялся на самую вершину. Там, куда я забрался, нет ни кентавров, ни грифонов.

Я снова закурил.

– Сколько времени осталось?

Она садится ко мне на колени, смотрит в глаза.

– Десять минут. Рассказывай.

Я закрываю глаза, чтобы лучше вспомнить все, что со мной было.

– Ну что ж...

Я жадно вдыхаю горький дым, чувствую, как он проникает в мои легкие, расслабляет и отравляет мое тело.

– Мы с Пегасом поднимались все выше. Прошло довольно много времени, прежде чем дождь заставил нас опуститься на землю. Этот несчастный крылатый конь боится грозы. На первом плато, заросшем лесом, я увидел хижину, в которой живет Веста, богиня домашнего очага. Она уговаривала меня вернуться, но я не послушал.

– Не отвлекайся на мелочи.

– Я поднялся на второе плато, покрытое песками. Там, в пустыне, я встретил Сфинкса, охранявшего узкий проход в скалах. Он задал мне вопрос: «Что лучше Бога, страшнее, чем дьявол...» – Я знаю, это та самая загадка, не разгадав которую никто не может подняться на вершину.

Мата Хари закрывает глаза и наизусть рассказывает:

– Лучше, чем Бог. Страшнее, чем дьявол. У бедных есть. У богатых нет. Если съесть, умрешь.

– Я нашел ответ.

– И что это?

– Ничего.

Мата Хари хмурится. Она недовольна. Странно, почему люди не могут слышать правду. Эдмонд Уэллс говорил: «Подарок можно сделать только тому, кто готов его принять. Иначе человек просто не оценит его».

– Именно так. Ничего.

– Почему ты не хочешь мне сказать ответ? Мы же вместе. Ты не должен от меня ничего скрывать.

– Ответ: ничего.

Эдмонд Уэллс еще говорил: «Они слышат, но не слушают. Видят, но не смотрят. Знают, но не понимают».

Все дело в том, что люди невнимательны.

– Что лучше Бога? Ничто. Ничто не может быть лучше Бога. Нет ничего страшнее дьявола. Чего нет у бедняков? Ничего. Чего не хватает богатым? Ничего. Если ничего не есть, то умрешь.

Мата Хари все еще не верит мне.

– И что все это значит?

– Может быть, это следует понимать так: Бог – это Все, и это Все существует, только если есть противостоящее ему Ничто.

Мата Хари не понимает. Я пытаюсь объяснить по-другому.

– «То, чем ты не являешься» объясняет «то, что ты есть на самом деле». Узнать твою противоположность – лучший способ узнать тебя. Противоположность Всему – Ничто.

Мата Хари усаживается на пол, скрестив ноги. Я сажусь напротив.

– Ты действительно видел Великого Зевса? Я киваю. Что-то в ее взгляде меняется.

– Лжешь!

Я забыл о том, что бывает, когда кто-то упоминает Зевса. И ведь если бы кто-нибудь сказал мне, что видел его, я бы тоже не поверил. Мата Хари кладет руки мне на плечи.

– Мишель Пэнсон, ты поднялся на гору и видел Его?

– Да.

– У тебя есть доказательства?

– К сожалению, я не Моисей, и спустился с вершины без скрижалей. Мое тело не стало светиться, я не исцеляю прокаженных наложением рук. Встреча с Зевсом не изменила меня. Но я клянусь, что видел его, как сейчас вижу тебя.

– А я должна поверить этому просто потому, что ты так говоришь?

Она никогда не поверит мне.

– Я не заставляю тебя.

Она крутит между пальцами каштановую прядь.

– Рассказывай дальше. Какой он, по-твоему?

– Он большой. Огромный. Очень внушительный. Метров пять ростом. Он такой, каким мы его себе представляли – с белой бородой, в длинной тяжелой тоге. У него низкий мощный голос. В руках у него молния.

– Ты уверен, что это не был кто-то, прикинувшийся Зевсом, чтобы посмеяться над тобой? Здесь немало существ, которые умеют принимать любые обличья. Если достаточно надеть белую тогу и говорить басом, чтобы выдать себя за верховного бога...

– Я видел Зевса в его дворце, окруженном циклопами.

– Зрение могло подвести тебя.

Она пристально смотрит на меня, потом говорит, словно вдруг поверила мне:

– Это его гигантский глаз мы видели тогда в небе?

– Зевс может выглядеть как угодно. Он был огромным глазом, белым кроликом, лебедем...

Он может превратиться во что угодно.

– Ты ЕГО видел? – Да.

– Ты говорил с НИМ?

Она произносит слова «ЕГО», «с НИМ» с огромным уважением.

– Сначала у меня не получалось. Я был слишком взволнован. Он заставил меня пройти испытание, и я выдержал его...

– Это была битва с чудовищем?

– Хуже. Битва с самим собой.

Я чувствую, что Мата Хари все еще не верит мне.

– На самом деле это была одушевленная копия меня самого.

Она сидит и слушает, как прилежная ученица на уроке.

– Он заставил тебя биться с самим собой?

– Да, и я победил. Потом он вынудил меня бороться против своего народа.

– Против людей-дельфинов?

– Он хотел испытать меня, прежде чем поведать СВОЮ правду. Он хотел знать, готов ли я пожертвовать самым дорогим, что у меня есть.

Кажется, она начинает мне верить.

– Перестань увязать в деталях. Что такое эта ЕГО правда?

– Зевс восхищается смертными, потому что они создают такие вещи, которые ему и в голову не приходили.

Мата Хари торопит меня.

– Он показал мне свой дворец. У него есть несколько музеев, он коллекционирует лучшие, самые прекрасные творения человечества.

– Ты хочешь сказать, что Зевс просто... подглядывает за людьми?

– Зевс не только не ответил на мои вопросы... После встречи с ним у меня возникло

множество новых. Особенно после того, как я узнал секрет его дворца.

– Перестань говорить загадками.

– Я отдернул занавес и распахнул окно в главном зале. И увидел...

– Что?

– Есть еще одна гора, гораздо выше, но эта заслоняет ее. На вершине второй горы мерцает свет.

– Такой же, как на этой?

– На самом деле, свет, который мы видим, сияет на второй горе.

Мата Хари изумляется:

– На второй горе?

– Да, она находится еще дальше, на востоке. Зевс признался, что и над ним есть что-то или кто-то. Более могущественное существо. Он точно не знает, что это может быть. И он так же, как и мы, наблюдает за светом, мерцающим на вершине второй горы.

– Почему же он не отправится туда, чтобы узнать, что же там такое?

– Зевс говорит, что вершину охраняет силовое поле, которое сможет преодолеть только победитель Игры.

Мата Хари впадает в глубокую задумчивость, а я говорю:

– Это последняя, самая большая тайна.

– Какое место Зевс, по его собственному мнению, занимает на лестнице развития сознания?

– Он считает, что он «8». Восьмерка имеет форму бесконечности. Кстати, нужно дописать в «Энциклопедию». После «7», бога-ученика, следует «8»: Бесконечный Бог. Изогнутая линия любви, которая бесконечно пересекается сама с собой и в то же время вращается по кругу, не поднимаясь и не опускаясь.

После минутного колебания Мата Хари берет «Энциклопедию», карандаш и записывает мои слова.

– А как Зевс называет существо, стоящее выше его?

– «9».

Мата Хари перестает писать. Я стараюсь убедить ее:

– Поверь мне. Я не мог бы сам такое выдумать. Я слышал все сам своими ушами.

– И что такое эта девятка?

– Спираль, противоположная шестерке, обозначающей ангела. Это любовь, которая не поднимается к небу, а спускается на землю. Вращающаяся спираль.

– Девятка, – произносит она, словно пытаюсь привыкнуть к новому понятию.

– Я считаю, что это Создатель Вселенной.

– Значит, тот, кто победит в Игре, сможет встретиться с «9»?

– И даже больше. Зевс сказал, что наш выпуск отличается от всех предыдущих. Он думает, что победитель не просто выиграет партию. Он сможет подняться на новый уровень и сам станет новой «9», управляющей всеми мирами.

Вот теперь Мата Хари точно мне не верит.

– С чего он это взял?

– Он получил послание с той, второй горы. Он думает, что Великий Бог устал и хочет отойти от дел. Вот почему так важна победа в игре, которая вот-вот начнется. Мы должны выиграть, иначе...

Мата Хари прикусила губу.

– Я ещё не всё тебе рассказала. Пока тебя не было, здесь кое-что произошло.

– Говори.

– Евой народ...Люди-дельфины пережили ужасные бедствия. Много бедствий. Они в

ужасном положении.

– Но они до сих пор живы, иначе меня бы тут не было.

– Разумеется. Твой народ выжил, как и много раз прежде, но людей-дельфинов осталось очень мало, они рассеяны по всей земле. Жорж Мельес и Густав Эйфель приняли к себе некоторое количество выживших.

– Всё равно я буду играть.

– Будет не просто. Люди-дельфины настолько привыкли к гонениям, что, попав к новым, гостеприимным хозяевам, предпочли ассимилироваться с народами, которые дали им убежище. Они попросту растворились в них. Отказались от своей религии. Теперь они исповедуют веру своих хозяев. Мы с Эдит Пиаф тоже приняли людей-дельфинов, но и у нас твой народ отказался от своих обычаев.

Не может быть. Мата Хари явно сгущает краски.

– Я буду играть с теми, кто не полностью ассимилировался.

– Видишь ли, большинство людей-дельфинов считают что...

– Ну же, говори!

– Они считают, что их бог... оставил их.

В Амфитреатре заиграли трубы. Нужно торопиться. Я вспомнил, что Земля-18, когда я видел ее в последний раз, была похожа на Землю-1 времен Древнего Рима. Пережив правление людей-орлов, Земля-18 скатывалась обратно к варварству.

Прошла неделя, и мне было интересно узнать, что теперь происходит с народами и их вождями.

6. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: НЕРОН

Нерон родился в 37 году. Его родителями были Домиций Агенобарб и Агриппина. Его мать, избавившись от мужа, стала четвертой супругой императора Клавдия и заставила его усыновить Нерона. Более того, ей удалось добиться брака Нерона с Октавией, дочерью Клавдия.

Таким образом, благодаря интригам матери, Нерон стал одновременно приемным сыном и зятем самого могущественного правителя того времени.

По указке Агриппины император Клавдий объявляет приемного сына своим единственным преемником, обойдя родного сына Британника. Сразу после этого (в 54 году) Клавдия убивают. Скорее всего его отравила Агриппина, опасавшаяся, как бы он не передумал. С этого времени римский Сенат, умело направляемый Агриппиной, признает решение императора и провозглашает Нерона новым императором.

Первый этап царствования Нерона, находившегося под влиянием матери и своего наставника Сенеки, принято называть «спокойным». Нерон принимает популистские законы и управляет империей достаточно разумно.

Но вскоре все становится по-другому. Нерон приказывает отравить повзрослевшего Британника, который, судя по всему, хочет занять несправедливо отнятый у него трон. Через некоторое время, устав слушать ворчание Агриппины, осуждавшей его новую любовницу, великолепную Поппею Сабину, Нерон выгоняет мать из дворца. Во время плавания, которое совершала Агриппина, обрушилась свинцовая крыша каюты, и царица чудом избежала смерти. Вместо нее погибла ее верная служанка. Едва оправившись от пережитого ужаса, Агриппина решает вернуться к сыну. Нерон приказывает своим слугам убить ее. Царицу избивают палками и закалывают мечом. Прорицатели предсказывали Агриппине, что ее сын будет императором и погубит ее. Она ответила им: «Пусть, лишь бы он правил империей».

Убив мать, Нерон тут же совершает новое злодеяние – убивает Октавию, обвинив ее в том, что она бесплодна. Теперь он может взять в жену свою любовницу Поппею Сабину. Сенека пытается образумить императора, и тот отправляет его в ссылку.

Нерон становится деспотом. Считая себя великим атлетом, он участвует в состязаниях на колесницах. Считая себя гениальным поэтом, состязается с другими стихотворцами. И постоянно побеждает.

По ночам, переодевшись простым горожанином, он участвует в оргиях, участники которых притворяются, что не узнали его. Нередко в конце пиршества он выбирает одного из гостей, забивает его до смерти, а труп потом сбрасывают в сточную канаву.

Узнав, что Сенека продолжает обличать его, Нерон приказывает убить его.

В приступе гнева он избивает Поппею, которая беременна от него. Поппея умирает от ран.

Тогда Нерон женится на Статилии Мессалине, убив сначала ее мужа. В 64 году он приказывает поджечь две трети Рима, чтобы осуществить наконец свой план – очистить город от грязных кварталов. Он даже сочиняет приуроченную к этому событию поэму и музыку. Римляне, разумеется, не были предупреждены об этом мероприятии, и тысячи горожан погибли в огне. Нерон тут же нашел виновных – обвинил в случившемся христиан. Начинаются облавы и преследования, пойманных пытаются, заставляя признаться в поджоге Рима, публично казнят, устраивая грандиозные представления, – все это, чтобы успокоить возмущенное население Рима.

Но империя, которой правили как попало, переживает глубокие внутренние потрясения. Начинаются голод, эпидемии, восстания и войны.

В конце концов Римский Сенат объявляет Нерона врагом и провозглашает императором консула Гальбу. Нерон, узнав, что его приговорили к смерти, кончает жизнь самоубийством 9

июня 68 года с помощью своего слуги. Умирая, бывший император плакал и повторял: «Какой артист погибает!»

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

7. ВЕЛИКИЙ МОМЕНТ

– Я не хочу тебя потерять! – Мата Хари сжимает мне руку. Вместе мы входим в зал, где нас ждут остальные ученики. Наша одежда в беспорядке, волосы растрепаны. Все догадываются, чем мы занимались, но никто не обращает на это внимания. Все поглощены предстоящей игрой. Чтобы скрасить время ожидания они изучают книги, посвященные истории Земли-1, которые принесли Оры.

Бруно Баллар склонился над книгой о современной истории. Ксавье Дююни погрузился в монографию о китайской военной стратегии. Жорж Мельес листает старинный трактат о колдовстве. Густав Эйфель – альбом по архитектуре, Жан де Лафонтен – учебник по химии, Франсуа Рабле – поваренную книгу, Тулуз-Лотрек – книгу о живописи. Рауль Разорбак читает труд о новых технологиях. Симона Синьоре сидит, закрыв глаза. Эдит Пиаф молится.

– Мы слышали трубы. Уже начинается? – спрашиваю я.

– Еще нет, – отвечает Рауль Разорбак. Дионис объясняет, что трубы играли просто для того, чтобы проверить акустику в Амфитеатре.

– Пока есть время, проверь, заряжен ли твой анкх, – советует Жорж Мельес. – Обидно будет, если он отключится посреди игры.

Я благодарю его, и замечаю, что мое оружие действительно заряжено только наполовину.

Мата Хари выполняет несколько упражнений на растяжку, похожих на гимнастику тай-цзи цюань. Когда я был смертным, то иногда видел в парках Земли-1 людей, которые делали что-то подобное. Медленные жесты помогают ей обрести равновесие, она движется, будто плывет в воздухе.

Я сажусь рядом с Симоной Синьоре и тоже закрываю глаза. Через несколько мгновений я понимаю, что для меня и моих смертных наступает время потрясений, революций, войн, кризисов, вспышек страстей, предательств.

Я сомневаюсь, что одиннадцать соперников пощадят меня. Я должен предвидеть их действия. Заставать их врасплох.

Удивлять. Вот ключевое слово.

Эдмонд Уэллс учил меня: «Выигрывает не всегда тот, кто умнее, но тот, кто может видеть на шаг вперед, тот, кто оказывается там, где его не ждут, и совершает непредсказуемые поступки».

Если события выйдут из-под контроля, я пошлю своему народу нового пророка.

Нет. Придется отказаться от этой идеи. Больше никаких чудес, никаких пророков. Это слишком простое решение для бога, который сам недостаточно верит в свои силы и в победу своего народа.

Дионис возвращается и сообщает, что нужно подождать еще десять минут, пока режиссеры не закончат подготовку к началу игры.

Режиссеры?

Вот, значит, в чем сложность последней партии. Это шоу, подготовленное режиссерами и продюсерами, как спектакль или кинофильм.

Мне страшно. Остальным тоже.

Я вспоминаю слова Зевса: «Цель любой игры – найти себя самого. Мы знаем ответ на любой вопрос, потому что уже сталкивались с чем-то подобным в прошлой жизни. Единственная проблема в том, что мы все забыли. Или же нас отвлекают чужие уловки и ложь. Но если мы вернемся к собственным истокам, если мы действительно любим себя такими, как есть, а не ту личину, которую нам навязывают другие, тогда мы на верном пути, и все вокруг нас

происходит так, как должно быть».

Я стараюсь понять истинный смысл каждого из этих слов.

Возможно, Зевс и не верховный бог, а только восьмерка, но он дал мне ключ к пониманию многих вопросов.

Помнить, кто я есть на самом деле.

Вернуться к собственным истокам.

Он сказал:

– МИ-ХА-ЭЛЬ. В твоём имени уже заложена информация. Ты – Михаэль. На древнееврейском «Ми» означает «кто», «Ха» – «как», «Эль» – «Бог». Тот, кто как Бог.

Кто я?

Кто же я на самом деле?

Ужасные слова Маты Хари ещё звучат в моих ушах: «Твой народ думает, что бог оставил их».

И это после всего, что я сделал для них в прошлом.

Я вспоминаю, что, когда был смертным, без конца обращался с просьбами, упреками, молитвами к воображаемому богу. Я не понимал, что дело не в том, «что Бог может сделать для меня», а, скорее, в том «что я могу сделать для Бога».

Мои смертные путают храм с книгой жалоб. Они требуют здоровья, любви, богатства, славы, вечной молодости, а также призывают бесчисленные бедствия на головы своих врагов. Они постоянно недовольны. Всегда хотят больше, больше, больше... Считают себя жертвами несправедливости, и даже если ты из кожи вон вылезешь, чтобы помочь им, то в ответ услышишь новые жалобы. А если их убогие желания не выполняются сию минуту, то они тут же начинают богохульствовать.

Итак, мои люди-дельфины, о которых я столько заботился, которых без меня вообще не было бы на свете, сомневаются в моём существовании. Мой народ растворяется в других племенах, переходит в чужую веру, забывает все, чему я их учил. И все потому, что меня не было каких-то пятьсот лет.

Как быстро они забывают добро! Как хорошо помнят зло! Как они неблагодарны!

Снова появляется Дионис.

– Через пять минут начинаем. Приготовьтесь. Мата Хари, до сих пор расхаживавшая взад и вперед, подходит ко мне и замирает в моих объятиях.

– У нас должно получиться! – шепчет она.

Рауль Разорбак странно смотрит на меня. Похоже, что, как только игра начнется, он первым делом займется мной.

– Пусть победит сильнейший! – говорит он.

– Надеюсь, это будешь не ты, – сухо отвечаю я. Однако он прав. Все началось, когда я встретился с ним на кладбище Пер-Лашез, в Париже на Земле-1. Если бы не Рауль, я прожил бы самую обычную жизнь. Он был моим лучшим другом, открыл передо мной удивительные горизонты, а потом разочаровал меня.

Рауль считает, что цель оправдывает средства.

Внезапно раздаётся мощный звук труб. Мата Хари наклоняется ко мне и тихо говорит:

– Не забывай, что ты бог.

Она прижимает меня к стене и целует. Я чувствую её нежное дыхание.

– Эй, голубки, хватит ворковать, все готово, – усмехается Дионис. – Пора начинать.

Тяжелые двери открываются, за ним чёрный мраморный коридор. Я глубоко вздыхаю. Мы медленно идем вперед. Так гладиаторы шли на арену, навстречу судьбе. Мне кажется, что все, что ещё только должно произойти, уже где-то записано. Один из нас выживет и станет

Хозяином всех миров.

В конце коридора медленно, с протяжным скрипом открываются огромные бронзовые двери. Раздается оглушительный шум. Мы осторожно выходим на арену.

Я вижу бескрайнее небо, слепящую синеву, толпу, которая, стоя, приветствует нас. Никогда не видел столько народу в Олимпии. Шум становится все громче.

Одни свистят, другие хлопают, третьи выкрикивают наши имена. Мне кажется, что я расслышал свое имя.

Небо становится еще светлее.

8. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: СИНИЙ ЦВЕТ

Довольно долго синий цвет недооценивали. Древние греки вообще не считали его цветом, и признавали только белый, черный, желтый и красный. Существовала и еще одна проблема – красильщики тканей и художники не знали, как окрашивать полотно в синий.

В Древнем Египте считали синий цветом загробного мира. Египтяне добывали этот цвет из меди. В Древнем Риме синий считался цветом варваров; возможно, потому, что германцы красили лица серо-голубой краской, чтоб быть похожими на призраков. На латыни или греческом слово «синий» не имеет точного определения, его нередко объединяют с серым или зеленым. Само слово «Блеи», означающее по-французски синий, происходит от германского «Блаи». Синеглазых женщин римляне считали вульгарными, а мужчин – грубыми и глупыми.

В Библии синий цвет упоминается редко, в отличие от драгоценного камня сапфира.

Синий цвет на Западе презирали вплоть до средних веков. Красный, напротив, символизировал богатство, и чем он был интенсивнее, тем было лучше. Красными стали одежды священнослужителей – кардиналов и пап. В XIII веке все изменилось: художники наконец научились получать синюю краску из лазурита, кобальта и индиго. Синий цвет становится цветом Богоматери. Ее изображают в синих одеждах потому, что она живет на небесах, или потому, что синий считался предшественником черного, цвета траура.

Раньше небеса были черными или белыми, а теперь стали синими. Прежде зеленое море на гравюрах тоже посинело.

Синий входит в моду, становится цветом аристократии. Красильщики немедленно начинают изобретать все новые его оттенки.

Вайда красильная, растение, которое используется для изготовления синей краски, выращивают в Тоскане, Пикардии и окрестностях Тулузы. Целые провинции начинают процветать благодаря производству синего красителя.

На деньги торговцев вайдой был построен Амьенский собор, в то время как страсбургские торговцы мареной, растением, из которого добывается красная краска, все еще с трудом собирали средства на строительство собора в Страсбурге. Интересно, что на витражах эльзасских церквей дьявола изображали синим. Начинается война культур между провинциями, где любят синий цвет, и теми, где любят красный.

В эпоху протестантских реформ Кальвин провозгласил, что одни цвета «честные» – черный, коричневый, белый, синий, а другие «нечестные» – красный, оранжевый, желтый.

В 1720 году один берлинский фармацевт изобрел «прусскую лазурь», которая дала возможность разнообразить оттенки синего. С развитием мореплавания в Европу с Антильских островов и из Центральной Америки стали привозить индиго, гораздо более сильный краситель, чем все известные до сих пор.

Политика тоже не осталась в стороне. Во Франции синий становится цветом восставших республиканцев, противостоявших белым монархистам и черным католическим партиям.

Позже синие республиканцы выступали против красных социалистов и коммунистов.

В 1850 году была создана одежда, появление которой принесло синему цвету последние лавры – джинсы, изобретенные в Сан-Франциско портным Леви Штрауссом.

Сегодня во Франции большинство опрошенных называют синий своим любимым цветом. Только в одной стране в Европе предпочитают красный – в Испании.

Пищевая промышленность – единственная область, где синий цвет не популярен. Йогурты в синих баночках продаются хуже, чем в белых или красных. И, кажется, нет ни одного синего продукта, который мы употребляли бы в пищу.

9. СИМФОНИИ

Небо бледнеет, становится почти белым в лучах яркого солнца. Одиннадцать часов утра.

Трубы внезапно смолкают. Толпа тоже. Наступившая тишина оглушает сильнее, чем раздававшиеся только что крики. Ветер стих. Не слышно пения птиц, жужжания насекомых.

Нас окружают запахи песка, пыли, камней и пота.

Я слышу только звук собственного дыхания. Мы, двенадцать богов-учеников, стоим посреди арены.

Зрители усаживаются на свои места, рассматривают нас. Скамьи Амфитеатра переполнены полубогами, полубогинями, химерами, сатирами, маленькими и большими созданиями, разнообразными гибридами, чудищами из греческой мифологии. Я и не думал, что на Эдеме столько жителей.

Богиня справедливости Афина восседает в центре помоста, обтянутого красным бархатом. Рядом с ней сидят наши преподаватели: бог времени Кронос, бог-кузнец Гефест, бог войны Арес, Гера, Аполлон, Гермес, Дионис, Артемида, Деметра.

Я чувствую на себе пристальный взгляд изумрудных глаз.

Афродита.

Что ей опять нужно от меня?

На краю помоста я замечаю ее сына Гермафродита, он подмигивает мне и показывает неприличный жест. Я вспоминаю, как чудом спасся от него, когда он собирался превратить меня в монстра, который должен держать на плечах модель планеты.

Икар встает и начинает аплодировать. Вслед за ним, как по команде, принимаются хлопать и остальные. Все они с самого начала следили за нашими приключениями, за тем, как развивались наши народы. Наверное, это было так же увлекательно, как телесериал, полный неожиданных сюжетных поворотов. Но вместо нескольких актеров в нем принимали участие целые толпы, которые на глазах у зрителей любили и убивали друг друга.

Рауль очень точно сказал: «Земля-18 – это гигантская шахматная доска с миллиардами живых фигур».

Заметив внимание, которое мне оказывает Афродита, Мата Хари хватает меня за руку, показывая, что я безраздельно принадлежу ей и она ни с кем не собирается делиться.

Афина встает и потрясает копьем. На ее плече сидит сова.

– Объявляю Финальную игру восемнадцатого выпуска богов-учеников Эдема открытой.

Кентавры начинают ритмично бить в барабаны. Игроки и зрители поют, отбивая ритм ладонями. На арене появляются грифоны, они везут повозки, на которых установлены огромные бассейны с сиренами, поющими пронзительными голосами. Хариты и Орры исполняют радостную песнь, их голоса звучат все мощнее, и нас охватывает восторг.

Пение становится громче, вступает оркестр Муз под управлением Аполлона. Среди девушек в красных одеждах я узнаю Кармен, музу телевидения Мэрилин Монро, Фредди Мейера, превратившегося в музу юмора. Они машут нам руками, но я не решаюсь ответить. Слишком торжественная минута.

Музыка внезапно стихает. Появляется Орфей с девятиструнной лирой. Он начинает виртуозно играть на ней, мелодия наполняет Амфитеатр, и мы на время забываем о том, что ждет нас впереди. Орфей исполняет последнюю песнь, кланяется и удаляется под гром аплодисментов. Афина ударяет в пол копьем и стаи горлиц взмывают в небо. Музыканты и певцы рассаживаются на скамьях Амфитеатра.

Богиня справедливости жестом призывает к тишине.

– Дамы и господа, наступил момент, которого мы все так долго ждали. Открывается последняя глава в истории Земли-18. Мир родился, мир возмужал, станем же свидетелями его апофеоза!

Овация. Афина продолжает:

– Все мы, затаив дыхание, следили за работой богов-учеников восемнадцатого выпуска. С той минуты, как Земля-18 возникла из хаоса, боги-ученики старались, не покладая рук, и доставили всем нам немало удовольствия. Здесь, в Олимпии, мы особенно ценим такие зрелища.

Двенадцать богов-преподавателей кивнули, подтверждая ее слова.

– Я хочу поблагодарить богов-преподавателей за терпение, с которым они обучали бывших смертных, которые стали теперь вполне самостоятельными и ответственными богами. Вы были рабами собственной судьбы, а теперь стали мастерами, которые могут не только ткать судьбы других людей, но и влиять на целые цивилизации. Безусловно, многие из нас были строги к вам, и это было необходимо, но сегодня мы гордимся, что вырастили из вас достойных богов.

Кажется, Афродита хочет что-то сказать мне. Ее губы шевелятся, но я ничего не могу разобрать. Афина заканчивает свою речь:

– Пришла пора перейти от слов к делу. Будьте сильными, ради вас самих и ради тех, за кого вы отвечаете.

– Что с нами будет, если мы проиграем? – спрашивает Симона Синьоре.

Афина поворачивается к той, которая так не вовремя перебила ее.

– Претерпев некоторые изменения, вы станете жителями этого острова.

– А если выиграем? – раздается голос Бруно Баллара.

– Вы получите право войти на Елисейские Поля. По знаку Афины Аполлон дует в бараний рог.

Справа открываются двери, и кентавры вносят мраморный цоколь, похожий на подставку для яйца. За ними выходит Атлант, несущий на плечах стеклянную сферу, внутри которой находилась Земля-18.

Медленно ступая, обливаясь потом, как штангист на соревнованиях, он со стоном высоко поднимает сферу на вытянутых руках.

Я смотрю на планету, которая сейчас напоминает воздушный шарик в руках ребенка.

Земля-18...

Титан опускает на подставку сферу, имевшую три метра в диаметре, затем аккуратно подключает Континент мертвых и Империю ангелов. Эти два приспособления необходимы для того, чтобы души могли свободно перемещаться между миром живых и миром мертвых.

– Готово, – объявляет Атлант. – Но я хотел бы воспользоваться моментом и обратить внимание коллег, что мои условия труда не соответствуют моему статусу, и...

– Замолчи, титан! – резко обрывает его Афина. Атлант мрачно смотрит на богов и говорит:

– Нет, так дело не пойдет. Я тоже бог.

– Ты выполняешь эту работу, расплачиваясь за предательство Зевса. Убирайся. Прошу игроков подойти сюда.

Атлант поднимает сферу, словно угрожает разбить ее оземь, но богиня справедливости спокойно замечает:

– Ты, кажется, забыл, что это всего-навсего модель настоящей Земли-18. Ты просто ломаешь учебное пособие.

– Я ведь могу бросить ее в вас, и тогда вам не поздоровится, – огрызается титан.

Это отголоски старой ссоры между богами-олимпийцами, вставшими на сторону Зевса, и титанами, примкнувшими к Кроносу.

Атлант в конце концов смиряется, опускает стеклянную сферу на место и садится среди

зрителей, рядом с другими титанами.

На самых верхних ступенях Амфитеатра кентавры соорудили экраны, натянув полотнища между высокими шестами.

Мы видим двенадцать главных городов Земли-18. На экранах мелькают виды с высоты, панорамы городов, улицы, статуи, рынки, храмы. Я вижу, что столица людей-дельфинов захвачена чужеземцами, но жрецы и философы сохранили древние традиции моего народа. На других экранах передо мной сменяются картины истории Земли-18.

На планете полным ходом идет индустриализация. В большинстве столиц по широким проспектам среди колясок, запряженных лошадьми, с шумом разъезжают первые модели автомобилей. По небу скользят летательные аппараты, бипланы и наполненные гелием дирижабли. На Земле-1 это время соответствовало бы началу XX века.

Вокруг помоста кружат грифоны, расставляя лесенки и табуреты, чтобы во время игры мы могли видеть модель Земли-18 со всех сторон. Я крепко сжимаю анкх. Мы выходим вперед, чтобы занять свои места, как вдруг раздается грозный окрик:

– Стойте! – Богиня справедливости остановила игру, после того, как Афродита что-то шепнула ей.

Мы с удивлением замираем. Афина подзывает Диониса. Тот подходит к ней:

– Что случилось?

– Ты забыл о ритуальных омовениях. Не прикидывайся, что не понимаешь! Всем известно, что перед началом Финальной игры ученики должны совершить омовения и очиститься.

– Но они и так чистые. Все с утра приняли душ, – возмущается бог праздников.

– Этого недостаточно. Традиционные ритуальные омовения совершенно необходимы перед началом последнего раунда игры, когда ученики в последний раз встречаются со своими народами. Вспомни слова: «Ни одного гостя не потерпит эта Свадьба, кто не хранит бдительность и нечист» ^[1]. Мы отложим начало.

– Я уверен, – вмешивается Аполлон, – что выражу мнение всех присутствующих. Послушай, Афина, мы так долго ждали этого момента, что прекрасно можем обойтись без соблюдения традиции омовения, хотя глубоко уважаем ее. Игроки готовы, и затягивать начало было бы жестоко по отношению и к ним, и к нам. Мы все стораем от нетерпения, кто же будет победителем. Давай уже начинать игру.

Афина смерила наглеца взглядом:

– Аполлон, я выслушала тебя, и ответ мой будет краток: не лезь не в свое дело! В игре богов необходимо соблюдать традиции, иначе вся наша наука потеряет смысл. Боги-ученики, отправляйтесь в бани.

Ропот недовольства пробежал по залу. Аполлон в сердцах плюет на землю, но не осмеливается продолжать спор с Афиной. С досадой он заворачивается в тогу и возвращается на свое место.

10. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: АПОЛЛОН

У Аполлона, сына Зевса и нимфы Лето, была сестра-близнец Артемида. Символом Артемиды была луна, символом Аполлона – солнце. Богиня Фемида питала их амброзией и нектаром, и близнецы выросли всего за несколько дней. Высокий красавец Аполлон с густыми золотистыми волосами стал любимцем всего Олимпа. Он обладал сверхъестественной силой, удивительными способностями к музыке и даром прорицания. Бог-кузнец Гефест подарил ему волшебные стрелы.

Аполлон вместе с сестрой освободил Дельфы от чудовищного змея Пифона. С тех пор Аполлона стали называть Пифийским, отсюда же произошло название Пифийских игр, во время которых устраивали соревнования атлетов и музыкальные состязания, а также имя Пифии: так называли знаменитую дельфийскую прорицательницу.

У Аполлона, завязанного сердцеда, было немало любовниц, особенно среди нимф, от которых родилось множество детей. Некоторые из них стали довольно известными, например, Каллиопа и Асклепий. Лишь Дафна устояла перед чарами Аполлона. Пытаясь спастись, нимфа превратилась в лавр, который с тех пор считается ее священным деревом.

Юноши также не оставляли Аполлона равнодушным. Он был очень привязан к Гиацинту и Кипарису. Их смерть глубоко опечалила Аполлона – один превратился в цветок, другой в дерево. Бог музыки и покровитель муз, Аполлон получил кифару от своего сводного брата Гермеса, в обмен на прощение за кражу стада быков, которых Гермес похитил у него. Сатир Марсий, игравший на флейте, вызвал Аполлона на музыкальное состязание, и тот соглашается принять вызов при условии, что победитель поступит с соперником по собственному усмотрению. Разумеется, Аполлон побеждает. Он приказывает содрать с Марсия кожу и запрещает игру на флейте до тех пор, пока не будет изобретена новая, которая будет посвящена ему, Олимпийцу.

Священными животными Аполлона считаются волк, лебедь, ворон, стервятник (наблюдая за полетом этих хищных птиц, авгуры пытались понять волю златокудрого бога), а также грифон, лирохвост, а позже дельфин. Очевидно, Аполлон – бог азиатского происхождения, так как он носит не сандалии, а нечто вроде башмаков, широко распространенных в Азии.

Это единственный бог, перешедший в римский пантеон под собственным именем, а ведь даже Зевс стал Юпитером, а Афродита – Венерой.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

11. РИТУАЛЬНЫЕ ОМОВЕНИЯ

Пар. Коридоры из белого мрамора с серыми прожилками.

Дионис ведет нас запутанными коридорами Амфитеатра. Все мы хотим как можно скорее начать игру, и ритуальные омовения стали новым испытанием для нашего терпения.

Коридор разделяется надвое, и Дионис отправляет мужчин направо, а женщин налево. Дальше нас ведут хариты. Мы оказываемся в хаммаме, хариты забирают нашу одежду и раздают полотенца, которые мы повязываем вокруг пояса. Рауль Разорбак, Ксавье Дюпюи, Жорж Мельес, Густав Эйфель, Жан де Лафонтен, Франсуа Рабле, Тулуз-Лотрек и я проходим в просторный, окутанный паром зал с белыми стенами, покрытыми мозаиками, на которых изображены сцены из разных мифов.

Хариты трут нам спины мягкими губками, потом мы отправляемся под холодный душ. Видимо, ритуал заключается в том, что горячие ванны сменяются ледяными струями. Под конец хариты растирают нас лавровыми ветками. Юные девушки в белых туниках предлагают нам лечь на мраморные столы и умащают миндальным маслом. Я лежу на животе, а одна из них, с длинными светлыми волосами, разминает мне пальцы рук. Другая массирует ноги. Затем они начинают массировать все мое тело, – одна с головы, другая с ног. Их руки встречаются на моей пояснице, и они начинают вдвоем разминать ее. По правде сказать, поясница всегда беспокоила меня. Остальных игроков обрабатывают таким же образом.

– Эти омовения – довольно приятная штука, – вполголоса говорит мне Жорж Мельес, который лежит рядом со мной. – Понятно, почему Афина настаивала, чтобы мы не пропустили эту часть ритуала перед началом игры. Теперь мы будем играть гораздо лучше.

– Это древняя традиция, – отзывается Рауль. – Гладиаторам тоже полагался массаж перед выходом на арену.

– Немного удовольствия перед крупными неприятностями, – усмехается Рабле.

– Лучше бы сразу начали играть, – отвечаю я. – Такое ощущение, что меня осадили на всем скаку.

В то же время я чувствую, что нежные руки харит помогли мне избавиться от напряжения. Их пальцы перебирают одну за другой все косточки моего тела. Затем нас приглашают в отдельные запирающиеся комнаты. Здесь нас ждут другие хариты, они меньше ростом и легче. Одна из них снимает с меня полотенце, встает мне на спину и начинает массировать ее ступнями. Вдруг кто-то появляется в комнате и делает харите знак исчезнуть. Я узнаю, кто это по запаху раньше, чем раздается голос.

– Я должна поговорить с тобой, Мишель, это очень серьезно.

– Афродита, ты уверена, что это подходящий момент?

Она не встает мне на спину, а начинает массировать ее руками. Я чувствую, что она очень нервничает.

– Говорят, ты встретил Сфинкса и остался в живых?

В ее голосе звучит тревога. Никогда еще я не видел, чтобы богиня любви так волновалась.

– Это правда.

– Он загадывал тебе загадку?

– Да.

– И ты отгадал?

– Да.

Афродита перестает разминать мне спину.

– И что в ответе?

– Ничего.

Она задумывается, потом хохочет.

– Это сильно! – и снова принимается за массаж.

– Сфинкс спрашивал тебя обо мне?

Я оборачиваюсь, сажусь и оказываюсь с ней лицом к лицу. Снова на меня действуют ее чары. Она восхитительна, все мои чувства говорят об этом. Миндалевидные изумрудные глаза, золотые вьющиеся волосы, грудь, едва прикрытая белой шелковой туникой, длинные серьги, диадема, пояс из драгоценных камней – передо мной богиня любви. Взгляд ее ласков и нежен, она прекрасно чувствует свою власть надо мной. Афродита поднимает руку, чтобы погладить меня по щеке, но я отталкиваю ее.

– Не волнуйся, на омовение отвели целый час. Химеры развлекают зрителей. Мы можем еще поговорить. Я должна сказать тебе нечто важное. Я хочу, чтобы ты выиграл.

– Почему?

– Ты – боец силы А. Остальные ученики – обычные мачо, в их цивилизациях женщин презирают.

– Но есть же Симона Синьоре, Эдит Пиаф и Мата Хари.

Афродита говорит каким-то неестественным тоном:

– У них нет твоей женственности, – и снова тянется, чтобы погладить меня по щеке. На этот раз я не отталкиваю ее. Я вспоминаю обо всех ужасах, которые Гермафродит, сын Гермеса и Афродиты, рассказывал о своей матери.

До того как стать богиней, Афродита была простой смертной. Отец бросил их семью и ушел к другой женщине. Афродита возненавидела его и решила отомстить за эту обиду всем мужчинам. Она стала очаровывать их и бросать, играя их чувствами. Я помнил маленькое крылатое сердце на ножках, которое она подарила мне, чтобы крепче привязать к себе. «Она говорит только о любви, она питается ею. Но ничего не знает о ней», – говорил Гермафродит.

Афродита медленно гладила мою шею и подбородок.

– Я обещала тебе, Мишель, что если ты разгадаешь загадку, то я буду заниматься с тобой любовью.

– Теперь у меня другая женщина, – отвечаю я, – и я люблю ее.

– Ничего страшного. Я не ревнива, – настаивает она. – И потом, я обещала заняться с тобой любовью, а не выйти за тебя замуж.

Афродита усмехается.

– Заниматься любовью с богиней любви – удивительное, ни с чем не сравнимое наслаждение, ни по остроте ощущений, ни по их разнообразию. Все, что ты испытывал с человеческими самками, не стоит даже упоминания. Мужчины, бывшие со мной, утверждают, что им казалось, будто они занимаются любовью впервые в жизни.

Она манит меня.

– Здесь? Сейчас?

– А почему нет?

Афродита медленно подходит ко мне, наклоняется, ее губы всего в нескольких сантиметрах от моих. Она пожирает меня глазами, словно я изысканное блюдо. Меня окутывает ее аромат. Может быть, она воспользовалась своим волшебным поясом, чтобы очаровать меня? Я застыл, как кролик, глядящий на фары автомобиля, который вот-вот его раздавит.

Она нежно касается меня губами, еле заметно улыбаясь. Я чувствую ее дыхание на своей коже и закрываю глаза, чувствуя, что иду навстречу злу. Но я знаю, что могу умереть сегодня, всего через несколько часов. Почему тогда не попробовать то, что она предлагает?

Наши губы разделяет теперь лишь дыхание. И вдруг раздается страшный крик.

12. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТАДЖ-МАХАЛ

История Тадж-Махала начинается в 1607 году, в день когда, как и каждый год, королевский базар открыли для простого народа. На этом огромном ежегодном празднестве разрешалось многое из того, что обычно было запрещено. Женщины из царского гарема в этот день получали право выходить на люди, громко разговаривать и гулять в толпе, покупая духи, благовония, украшения и одежду. Они свободно беседовали с торговцами и другими покупателями. Люди разговаривали друг с другом, зачастую не догадываясь, кто перед ними. Юные княжеские сыновья устраивали поэтические турниры, чтобы покорить сердца красавиц.

Итак, в 1607 году принцу Хурраму, сыну шаха Джахангира, исполнилось шестнадцать. Это был красивый юноша и храбрый воин, одаренный множеством талантов. Прогуливаясь с друзьями по базару среди пестрых прилавков, он увидел юную девушку. Пятнадцатилетняя Арджуманд Бану Бегам принадлежала к славному княжескому роду. Когда она взглянула на принца, тот забыл обо всем на свете. Это была любовь с первого взгляда. На следующий день принц Хуррам просил у своего отца разрешения взять в жены Арджуманд.

Отец согласился, но посоветовал принцу подождать. На следующий год он заставил сына жениться на персидской принцессе. К счастью, у мусульман принято многоженство, и у Великих Моголов было по несколько жен. Однако Хурраму пришлось ждать целых пять лет, не имея возможности ни поговорить с любимой, ни увидеться с ней, пока придворные астрологи не разрешили ему снова жениться. Свадьба была назначена на 27 марта 1612 года. Увидев прекрасную невестку, отец принца назвал ее Мумтаз Махал, что означало «Украшение дворца». С тех пор супруги не разлучались. У них родилось четырнадцать детей, из которых выжило только семь. В 1628 году Хуррам сверг отца и сам стал императором. Он правил под именем Шах Джахан.

Новый император обнаружил, что его отец, праздный бездельник и бездарный правитель, оставил в наследство множество политических и экономических проблем, и попытался решить их. В 1631 году ему пришлось начать войну против восставших подданных. Его сопровождала жена, беременная четырнадцатым ребенком. Во время похода у нее начались роды, и она умерла, родив дочь. Император Шах Джахан сидел рядом с умирающей Мумтаз Махал. Перед смертью супруга сказала, что у нее есть только два желания: чтобы у её супруга никогда бы не было детей от других женщин и чтобы он построил в память о ней мавзолей, который будет символом их любви.

На следующий год в Агре, столице Великих Моголов, началось строительство. Шах Джахан пригласил лучших архитекторов и художников Индии, Турции и даже Европы. Тадж-Махал выстроен из белого мрамора, чтобы его стены отражали розовые лучи восходящего солнца, яркий полуденный свет и золото заката.

Со временем Шах Джахан стал деспотом и религиозным фанатиком. В 1657 году, воспользовавшись тем, что император заболел и ослаб, его сын Аурангзеб, еще более фанатичный мусульманин, приказал заточить отца в темницу и пошел войной на индуистские провинции.

Шах Джахан попросил сына только об одной милости – чтобы из окна темницы было видно, как строится мавзолей его возлюбленной. Эта просьба была исполнена. Шах Джахан умер в заточении в 1666 году.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

13. БОГОУБИЙЦА

Даже не подобрав полотенце, я бросаюсь как есть, нагишом, в женскую часть хаммама.

Только не это! Все, что угодно, только не это!

Я бегу по белым мраморным коридорам и врываюсь в помещение, посреди которого столпились люди. Я расталкиваю всех и вижу тело, лежащее на полу в луже крови.

Мата Хари.

Я прижимаю ее к груди.

– НЕ-Е-Е-Е-ЕТ!

Трясу ее безжизненное тело, вскакиваю и кричу:

– Только не она! Заберите меня вместо нее! Возьмите мою жизнь!

Я вскидываю руку, сжимаю кулак:

– Эй, Бог! Великий Бог, Создатель Вселенной, или Тот, кто убивает богов, ты слышишь меня? Ты не имел на это права! Я даю тебе последний шанс. Если можешь, поверни время и возьми меня вместо нее. Иначе я буду судить тебя. Если ты допускаешь такое, значит, ты не бог любви, ты бог смерти. Тебе нравится видеть наше горе! Ты даешь нам что-то ради удовольствия потом отобрать! Ты не имел права делать это. Ты не имел права... Поверни время вспять и давай все изменим. Великий Бог, я бросаю тебе вызов: поверни время.

Меня прерывает слабый голос.

– Замолчи!

Это Мата Хари. Она еще в сознании. Кровь стекает у нее изо рта.

– Слишком поздно. Назад вернуться невозможно. Если ты любишь меня... замолчи. Иди и выиграй. Выиграй ради меня.

– Мата...

– Выиграй, прошу тебя... Я люблю тебя, Мишель. Выиграй, ради меня!

Она закрывает глаза.

У меня за спиной перешептываются хариты:

– Это был человек в тоге, на нем была маска из греческой трагедии.

Я вскакиваю на ноги.

– Он разбил окно и ворвался сюда. Он стрелял в упор, я видела.

– Он убежал туда.

– Куда?

Я схватил анкх Маты Хари и не тратя время на то, чтобы одеться, помчался по темным коридорам.

Впереди огромная дубовая дверь, ведущая наружу, за пределы здания. Она открыта. За ней свет. Я выбежал на большой проспект. Олимпии. Никого. Поднялся ветер, но я не чувствовал холода. Моя кровь кипела от адреналина и ярости.

Вдруг я заметил вдали фигуру. Кто-то убегал на запад.

Вот он, попался.

Человек бежал к воротам Олимпии. Я прицелился и выстрелил. Промахнулся. Тогда я закричал. Я и сам не знаю, что кричал тогда. Просто дал выход своему гневу.

Человек обернулся, увидел меня и свернул к синему лесу.

Он спрячется в чаще.

Я снова выстрелил и снова промахнулся. Кинулся вслед за ним, но он скрылся из виду.

Запыхавшись, я остановился. Обернулся, и увидел маленькую муху с женским телом. У нее были рыжие волосы и зеленые глаза. Сморгмуха!

Она открыла рот и высунула длинный язычок, указывая, куда скрылся беглец. Я снова бросился вперед, через лес.

Сердце отчаянно колотилось в груди. Впервые в жизни меня обуяло желание кого-то убить. Сморгмуха кружила вокруг, указывая путь. Наконец я выбежал на поляну. Богоубийца был там, но не один. Кто-то стоял перед ним, в такой же маске и тоге, изорванной в лохмотья.

Я поднял анкх и, не зная в кого стрелять, переводил оружие с одного на другого.

– Это я, не стреляй, Мишель! – раздался голос, приглушенный маской.

– Кто это – я? – спросил я.

– Эдмонд.

– Эдмонд Уэллс умер, – ответил я.

– Нет, я все объясню.

– Нет, это я объясню, Мишель, – сказал другой человек в маске. Его голос звучал точно так же. – Я настоящий Эдмонд Уэллс.

– В таком случае у меня есть вопрос, и ответить на него может только настоящий Эдмонд. Какой у нас был девиз?

Оба не ответили. Один кашлянул. Другой тоже.

– Я с тобой. Его надо убрать, – сказал тот, что слева.

– Нет, это я, Эдмонд, – ответил второй.

– Снимите маски, – приказал я. – И я увижу, кто из вас кто. Дорогой Эдмонд,ними маску, тебе нечего бояться.

– Если я пошевелинусь, он выстрелит, – сказал один.

– Нет, это он выстрелит, – сказал другой.

Их голоса почти не отличались, только один был чуть более хриплым.

– Пристрели его, – посоветовал тот, что справа.

Я выстрелил в того, кто это сказал.

Он упал на спину. Другой сорвал с себя маску. Это был Эдмонд Уэллс. Его вытянутое лицо и уши, как у Кафки. Глаза его блестели, он кашлял.

– Почему ты не назвал наш девиз?

– Какой? У нас их было много: «Любовь как меч, юмор как щит», «Вперед, навстречу неизвестному», «Вместе против идиотов»...

Меня переполняли смешанные чувства – боль от потери Маты Хари, удовлетворение свершившейся мести, радость встречи со старым другом.

– Я не узнал твой голос, – сказал я.

– Я простудился, когда ночевал в лесу. У меня что-то вроде фарингита, скоро пройдет.

– Но ты ведь умер... Мой учитель улыбнулся.

– Нет. Я сумел сбежать от Атланта и остался в лесу, чтобы наблюдать за ним и помешать ему.

Переиначивая слова одной из глав «Энциклопедии относительного и абсолютного знания», я сказал:

– Понять систему можно, только выйдя за ее пределы.

Эдмонд Уэллс вздохнул.

– Мне очень жаль Мату Хари. Я подозревал, что богоубийца предпримет что-нибудь на Финальной игре, но опоздал.

Я нагнулся и снял маску с лежавшего на земле человека. Сейчас я узнаю, кто же он такой. Увидев его лицо, я в изумлении отшатнулся.

Я ожидал чего угодно, только не этого.

К нам приближалась толпа, вслед за мной пустившаяся вдогонку за убийцей. Эдмонд Уэллс

быстро сказал мне:

– Я лучше пока спрячусь. Мы скоро увидимся. Ты обязательно должен выиграть, Мишель! Ты даже не понимаешь, насколько это важно. Выиграй!

И он исчез. Поляну заполнила толпа, во главе которой богиня охоты Артемида верхом на кентавре целилась в меня из лука.

Она нагнулась над телом убитого. На ее лице удивление сменилось отвращением.

– Ах, вот кто это был!

14. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТРИ ОСКОРБЛЕНИЯ

Человечеству было нанесено три оскорбления.

Первое, когда Николай Коперник доказал, что Земля не центр Вселенной.

Второе, когда Чарльз Дарвин пришел к выводу, что человек произошел от обезьяны, а, стало быть, тоже животное.

Третье, когда Зигмунд Фрейд объявил, что в основе большинства наших политических демаршей или художественных проявлений лежит сексуальность.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

15. БОГОУБИЙЦА

Артемиде приказывает мне бросить оружие и поднять руки. Ко мне с угрожающим видом приближаются кентавры. Я не обращаю на них внимания, и хватаю поверженного богоубийцу за руку.

– Но почему? Почему?!

Моя жертва морщится от боли, смотрит на меня и произносит:

– Эта игра чудовищна. Я много раз говорил вам, что мы не можем в нее играть, мы не должны играть существами, которые слабее нас, не должны заставлять их страдать. Быть богом-учеником не значит ставить опыты над слабыми созданиями, ради того, чтобы узнать, что-то новое. Я хотел убить всех учеников, чтобы в игре не было победителя, но мне это не удалось. Пока есть игроки, игра будет продолжаться, и смертные, населяющие Землю-18, будут умирать ради забавы богов. Я потерпел поражение.

Артемиде приказывает мне отпустить его. Вокруг нас собирается толпа.

– Я пытался, но не смог... – повторяет богоубийца. – Умоляю вас, откажитесь играть! Никто не имеет права играть живыми существами. Они не должны расплачиваться за наши амбиции.

Я вспомнил, что Бернар Палисси, погибший одним из первых, произнес что-то вроде «Ль... Лю...» Он пытался назвать имя убийцы.

Значит, вот кто это был! Люсьен Дюпре.

Этот оптик, страдавший косоглазием, был одним из лучших учеников в первой игре. На занятии, которое вел бог времени Кронос, ему удалось спасти свой народ. Он создал коммуны хиппи, все члены которой обладали равными правами и вели беззаботную жизнь, в то время как на Земле-17, доживавшей свои последние дни, царил хаос и террор.

Потом Кронос объявил, что это была всего лишь игра, и теперь, когда мы усвоили правила, Земля-17, планета-черновик, должна погибнуть, а мы перейдем к занятиям на следующей модели, Земле-18. Тогда Люсьен Дюпре в ярости кричал, что игра несправедлива и боги-ученики получают слишком большую власть над несчастными смертными, к которым относятся как простым игрушкам.

«Это не миры, это бойни!» – кричал он.

Люсьен Дюпре умолял нас не продолжать истребление живых существ, призывал восстать против наших учителей-олимпийцев. Мы не поддержали его, и он ушел. На прощание он бросил нам: «Если быть богом означает это, тогда продолжайте без меня».

Мы думали, что кентавры схватили его и превратили в химеру, как тех учеников, которые проиграли, но мы ошиблись. Никогда раньше в Олимпии не сталкивались с таким поведением ученика, и его предоставили самому себе. Должно быть, он долго бродил в лесу, сжигаемый гневом, пока наконец не принял решение. Если он не сумел остановить игру, взывая к нам, он прекратит ее, убив всех участников.

А мы осудили Прудона только за то, что он был анархистом! Убийцей, настоящим врагом игры был этот скромный оптик-идеалист, прекрасно управлявший своим народом, но отказавшийся действовать по правилам, установленным богами-олимпийцами.

Зрачки Люсьена Дюпре замерли, губы искривились. Я навсегда закрыл глаза того, кто убил мою любимую.

Кентавры положили его тело на носилки, чтобы унести. Богиня справедливости Афина, сидевшая на Пегасе, с совой на плече и копьем в руке, выдвинулась вперед.

– Не вам, Пэнсон, вершить тут правосудие, – провозгласила она. – В Эдеме запрещено

любое насилие. Это закон. Анкх никогда не должен быть направлен против живых существ. Даже если речь идет об убийце.

Я глубоко дышу. Слова Афины меня не впечатлили, и я смотрю на нее в упор. Даже не пытаюсь убежать, скрыться.

– Зрители заждались. Идемте же, пусть, наконец, Финальная игра начнется, – заключает Афина.

Вернувшись в Амфитеатр, мы больше не тратим времени попусту. Публика рассаживается на скамьях под звуки барабанов, в которые бьют кентавры. Грифоны включают огромные экраны, на которых появляются изображения наших столиц. Двенадцатый, экран Маты Хари, остается темным.

Я прошу дать мне новый анкх взамен разряженного. Ко мне подбегает харита и вручает новый инструмент бога-ученика и чистые тогу и тунику.

Нельзя думать о Мате Хари. Об Эдмонде Уэллсе. О Люсьене Дюпре. Я должен сосредоточиться на игре.

Другие ученики перешептываются. Видимо, им рассказали о том, что произошло. Теперь нас одиннадцать. Мы стоим перед двенадцатью богами-олимпийцами.

Афина призывает к тишине.

– Нам пришлось уладить некоторые «формальности». Теперь Финальная игра наконец начинается.

Она ударяет в гонг, и его звук разносится по всему Амфитеатру. Мы бежим к стеклянной сфере, забираемся на возвышения. Я поднимаюсь на высокую лестницу и склоняюсь над Землей-18.

– Ученики, рассмотрите поле игры.

Мне кажется, будто я попал в невесомость. Руки дрожат, и я кладу анкх на сферу, приблизив глаз к сверхмощному увеличительному стеклу в его рукояти.

В первую минуту я различаю только толпы людей, кишущих как насекомые. Настраиваю анкх и, наконец, вижу.

Столица людей-дельфинов оккупирована людьми-коршунами, вступившими в союз с людьми-лисами, чтобы захватить мою территорию. Люди-лисы служат в полиции, люди-коршуны захватили мой город, люди-дельфины загнаны в особые кварталы, но все еще хранят традиции.

Я подкручиваю анкх.

Люди-корушны силой обращают людей-дельфинов в свою веру, поджигают их храмы, оскверняют могилы, взрывают памятники, но мой народ не сдается.

Это едва тлеющие угли, которые я должен раздуть своим Дыханием.

Я разыскиваю диаспоры людей-дельфинов, рассеянные по планете. Дела у моего народа идут довольно скверно. Люди-дельфины загнаны в старые, грязные кварталы чужих городов. За время моего отсутствия было организовано несколько кампаний против людей-дельфинов. За ними следовали резня и погромы. Особенно постарались люди-козы, а недавно и люди-медведи.

Численность людей-дельфинов, истребляемых ножом и огнем, заметно уменьшилась. Многие ассимилировались с другими народами, приняли чужую веру. Многие живут в чудовищной нищете. Единственный плюс – те немногие, кто пережил все эти испытания, приобрели необыкновенную стойкость.

Они получили прививку от глупости.

Я судорожно сглатываю.

Вот, значит, какова расплата за мою вылазку в горы ради встречи с Великим Зевсом.

Рауль и другие ученики тоже выглядят обеспокоенными. Они разыскивают свои народы на

нашей гигантской шахматной доске.

Я выиграю для тебя, Мата.

Нужно избрать неожиданную, новую стратегию.

Раздается легкий шум крыльев, рыжие волосы развеваются на ветру. Сморгмуха опускается на мое плечо, как ангел-хранитель, явившийся, чтобы подбодрить меня.

Афина еще не подала сигнал начинать игру. Мы ждем. Я вижу Эдит Пиаф, взобравшуюся, как и я, на высокую лестницу. Она не спускает палец с центрального колесика своего анкха. Рауль держит свой анкх, как сварщик, готовый в любой момент приступить к работе, разбрасывая снопы искр.

Густав Эйфель протирает увеличительное стекло на своем инструменте. Жорж Мельес погрузился в себя, он старается сосредоточиться. Со стороны мы, должно быть, напоминаем бригаду врачей, оперирующих гигантское яйцо. На экранах, высоко над нашими головами, мелькают панорамы городов.

Я закрываю глаза. Сотни идей проносятся в моей голове.

Укреплять свои сильные стороны, и не пытаться усилить слабые.

Вооружить людей-дельфинов? Бесполезно. Они значительно уступают численностью своим противникам и слишком уважают чужую жизнь, поэтому всегда будут менее боеспособными и вскоре погибнут.

Ну что ж, тем хуже. У меня нет другого выбора. Я создам пророков. Не одного, и не двух, а трех. Чтобы быть уверенным, что хотя бы одному удастся выполнить свое предназначение. Это будут «светские» пророки, но они совершат настоящую революцию в умах. У меня действительно нет другого выбора. Я должен выиграть. Я буду действовать сразу в трех направлениях: экономика, наука, психология.

Три гения. Три бомбы. Осталось решить, где они появятся.

Мата Хари предупредила, что мне следует опасаться людей-акул. Отлично. Одного пророка я помещу на их территории. Цветы лучше всего растут на компостных кучах.

Я должен выиграть ради нее.

– Внимание! Вы готовы?

Афина подняла свое копьё и медленно, как в кино, Ударила в гонг. Звук этого третьего удара долго не смолкал в Амфитеатре.

В толпе зрителей тут же поднялся дикий шум.

16. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ИГРА ВСЛЕПУЮ

В книге «Гедель, Эшер, Бах: бесконечная золотая цепь» математик Дуглас Р. Хофстадтер описывает игру, в которую играют вдвоем. Для нее не нужны ни карты, ни шахматы, ни какие-либо другие предметы. Только две руки.

Оба игрока одновременно показывают на пальцах число от 1 до 5.

Тот, кто показал большее число, получает столько очков, сколько составляет разница между его числом и числом соперника.

Например, если первый игрок показал 5, а другой – 3, то первый получает 2 очка. Счет 2:0. Сразу становится ясно, что нужно все время показывать 5, чтобы выиграть, но... есть еще одно правило.

Если разница между числами, которые показывают игроки, составляет 1, то показавший меньшее число, получает столько очков, сколько составят в сумме оба числа, показанные противниками друг другу. Например, если один показывает 5, а другой 4, последний получит 9 очков.

Если оба игрока показывают одинаковое число, нужно переиграть. И так далее... Выигрывает тот, кто первым наберет 21 очко. Разумеется, можно играть на деньги. Эта простая игра с легко запоминающимися правилами, не требующая никакого инвентаря, на самом деле достаточно тонка и психологична, так как постоянно заставляет вас думать о том, что другой игрок думает о том, что думаете вы.

Едва вы находите правильную стратегию, как тут же приходится ее менять, чтобы вновь запутать противника.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

17. ДЕЛЬФИНЫ

Сверху я сумел разглядеть город, где теснилось более миллиона жителей. Вдоль широких проспектов тянулись ряды фонарей. Среди экипажей, запряженных лошадьми, сновали первые автомобили. Дети, приходившие в восторг от дыма и шума производимого машинами, упрашивали водителей еще раз нажать на клаксон.

Мужчины носили фетровые цилиндры на кроличьей подкладке и трости с серебряными рукоятками. Некоторые курили сигары или длинные сигареты, как знак принадлежности к особому обществу. Их супруги щеголяли в длинных пышных платьях с корсетами из китового уса, высоко подпиравшими грудь. Сложные прически держались на длинных шпильках. В бедных кварталах проститутки зазывали клиентов, а дети, которые не были достаточно уродливы, чтобы просить милостыню, воровали часы и бумажники у прохожих.

Заводы, чаще всего построенные прямо посреди города, выпускали из труб клубы черного вонючего дыма. Толпы рабочих в серой форме выходили по вечерам из их ворот и разъезжались на велосипедах по окраинам. Иногда в небе проплывали наполненные гелием дирижабли с огромными пропеллерами, медленно рассекавшими воздух. Они перевозили пассажиров.

В толпе, среди людей, сновавших в деловой части города, с озабоченным видом бродил молодой человек с длинными волосами и бородой.

Он родился в семье людей-дельфинов, которые много путешествовали, спасаясь от преследований. Юноша был беден и поселился в столице людей-акул, которая переживала бурный расцвет. Он снимал мансарду в рабочем квартале, и его любимым занятием было чтение книг по истории, экономике и, особенно, романов-утопий.

В двадцать один год он стал журналистом. Он брал интервью у великих мыслителей своего времени и со временем создал собственные теории. Он записывал их в дневник. Он считал человека существом деятельным, а не мыслящим, которого, следовательно, нужно было судить по его поступкам, а не по его идеям.

Став знаменитым репортером, он много путешествовал, наблюдал, и всегда особенно интересовался миром труда, переживавшим кардинальные изменения.

Через некоторое время молодой человек написал сочинение, которое назвал кратко: «Утопия».

Согласно его теории, религия и государство служили только делу обогащения тунеядцев и бездельников, а значит, человек мог обойтись без священнослужителей и политиков.

Заметив, что на любом заводе сам собой возникал антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми, он предложил новый взгляд на историю. По его мнению, история была непрерывной борьбой угнетателей и угнетенных. В один прекрасный день раскол между двумя группами людей исчезнет, и люди на всей земле станут равными, обладающими одними и теми же правами и благосостоянием.

На смену диктатуре монархии и тех, кто использует чужой труд, придет диктатура угнетенных, а за ней наступит мир на всей земле, который он называл «окончательной стабилизацией».

«Утопия», получившая вначале довольно слабые отклики, стала широко известна среди студентов и интеллигенции, в этой специфической городской среде. Возникли кружки, которые собирались для обсуждения нового взгляда на историю, потом политические движения, взявшие на вооружение идеи, изложенные в книге, и, наконец, появилась «партия равенства», которая провозгласила, что однажды наступят времена, когда никто не будет богаче своего соседа. Началось движение утопистов.

Вслед за студентами и интеллигенцией идеи «Утопии» подхватили профсоюзные движения, вероятно, потому, что ожидали скорейшего перехода к этапу «диктатуры угнетенных». Автор «Утопии» никогда не заявлял о себе как о писателе-дельфине, поэтому его видение будущего смогли примерить на себя все.

Всего в нескольких километрах от мансарды Утописта, в том же городе, столице людей-акул, в студенческом квартале другой молодой человек, родители которого также принадлежали к дельфиньему народу, работал над проектом из области физики.

Когда он был ребенком, а потом и замкнутым, одиноким подростком, учителя считали его посредственностью, потому что он очень долго думал над ответом и казался постоянно погруженным в собственные фантазии. Этому молодому человеку все-таки удалось одолеть все ступени среднего образования, и он поступил на физический факультет одного из самых престижных университетов страны. Тогда он обнародовал свою собственную теорию о том, что существует связь между энергией, материей и скоростью. Используя скорость и энергию, можно создать материю. Материя и скорость могут породить энергию. Энергия и материя порождают скорость. Этот закон он назвал «Законом Взаимосвязи», так как, по его мнению, все в мире взаимосвязано. Его тут же прозвали «Связующим».

Теория о связи между тремя основными физическими величинами совершила переворот в науке, ибо подразумевала связь между всем существующим на свете.

Эта же теория породила новое течение в узком кругу ученых, которые начали думать в этом направлении и изобретать новые источники энергии, способные заменить нефть. Был даже создан исследовательский центр, где физики, поместив материю в аппарат и заставив ее вращаться с бешеной скоростью, сумели выделить новый сверхмощный вид энергии, энергию взаимосвязи.

И снова в столице людей-акул, но на этот раз в богатом квартале, третий молодой человек создал еще одну оригинальную теорию. Он также был рожден в семье людей-дельфинов, бежавших от преследований. Его интересовала медицина. У него была аккуратно подстриженная борода, небольшие круглые очки, и он курил, как денди, пользуясь длинным мундштуком из слоновой кости.

Как и два других молодых человека, он не был религиозен. Он хотел изменить образ мыслей людей своего времени. Его очень интересовали заболевания психики, в особенности те, которые в литературе того времени называли общим термином «меланхолия».

Он написал одну диссертацию о действии наркотиков на человека, а другую – о гипнозе, и однажды увидел сон, который дал ему ключ к разгадке человеческого разума. Он понял, что сны – это сообщения, которые бессознательное посылает сознанию. Правильно истолковав сны, можно найти событие, причину, породившую меланхолию.

Врач написал книгу, в которой изложил свою теорию снов. Она называлась «Что скрывается под маской».

Продолжая углубленно исследовать механизмы поведения себе подобных, он заинтересовался жизнью примитивных обществ и групп животных, обнаружив, что причины всех проявлений психики таятся в сексуальности. Согласно его теории, действие репродуктивных гормонов было основной движущей силой большинства поступков человека. И врач написал вторую книгу, которую назвал «Секс и биение жизни».

Зайдя еще дальше в своей работе, он объявил, что сексуальное поведение человека зависит в основном от впечатлений, полученных в самом раннем детстве и от первых контактов с родителями.

И он написал третью книгу о детской психике, травмированной взрослыми, «Отпечаток». Врач предложил метод лечения, основанный на анализе прошлого пациента с целью

выявить психические травмы, полученные им в детстве и которые заставляют его повторять один и тот же сценарий уже во взрослой жизни.

Эта методика была с успехом опробована, множество пациентов избавилось от меланхолии, которую до тех пор считали неизлечимым заболеванием. Люди, которых держали в приютах для душевнобольных, страдающие навязчивыми состояниями, выздоровели. Они избавились от своего недуга, начали полноценно общаться и вернулись к созидательному образу жизни.

Это стало маленьким переворотом в мире медицины. До сих пор меланхолию лечили снотворными и обезболивающими средствами. Или же электрошоком и заключением в палату, обитую изнутри войлоком.

Врач получил прозвище «Аналитик».

Через несколько лет он стал известен далеко за пределами страны акул. Главы государств посылали к нему своих жен и детей. Одержимые манией самоубийства вновь почувствовали вкус к жизни.

Аналитик, окруженный группой почитателей, пророчествовал о наступлении нового мира, когда каждый, избавившись от груза прошлого, сможет пережить расцвет собственной сексуальности, и не будет заставлять других страдать от травм, которые сам он получил в детстве.

Революционные идеи Утописта, Связующего и Аналитика перевернули сначала мир акул, а затем и просто весь мир. Почти во всех столицах ученые с воодушевлением продолжали исследования, развивая и углубляя новаторские теории, находили им все новое применение в самых различных областях.

Это было похоже на три бензиновых ручья, охваченных огнем, которые разносили пожар по всей земле. Исследователи, рожденные в других диаспорах людей-дельфинов, также выдвигали идеи, которые изменяли лицо мира. Один из них, получивший прозвище «Почтительный», придумал «Права человека», по образу и подобию Заповедей, которые защищали каждого человека от возможности быть убитым, подвергнутым пыткам и унижениям.

Другой, «Законник», предложил всем людям-дельфинам вернуться на землю их предков, оккупированную соседями. Пусть столица людей-дельфинов находится в руках захватчиков, зато там до сих пор существует община соплеменников, хранящая древние знания. Законник организовал движение, названное «возвращение рыб на родину».

Чтобы не создавать конфликтов между вновь прибывшими и народами, захватившими исконные земли, люди-дельфины стали селиться в местах, которые все остальные признали непригодными для жизни. Они засучили рукава и начали осваивать бесплодные земли, осушая болота и разрабатывая оросительные системы. Первопроходцам приходилось преодолевать множество трудностей, но их мечта сбылась – они вернулись на землю своих предков.

Возникли поселения людей-дельфинов, в которых, согласно теории Утописта, все были равны между собой. Там не было ни угнетенных, ни угнетателей, ни религии, ни правителей. Жители этих поселений обходились без денег, полиции, собственности. Все принадлежало всем. Продукты сельского хозяйства или промышленного производства принадлежали обществу, и каждый получал в зависимости от своих потребностей, а не от заслуг.

В «утопистские поселения равноправных» стекалось много молодых людей-дельфинов, которые надеялись, что эта новая форма социума даст им возможность найти свое место в жизни. Они начинали говорить на языке предков, узнавали историю праотцев, обретали в древней мудрости новые ценности, которые помогали им жить в современном мире. В этих поселениях часто устраивали праздники, а нравы там были свободными.

Вскоре молодежь и других народов стала приходить в поселения равноправных, чтобы помочь осуществлению мечты людей-дельфинов и разделить с ними их будни и праздники. По

вечерам, после утомительной дневной работы, люди собирались вокруг костра и говорили о всемирном разоружении, экологии, свободной любви, о том, что деньги рано или поздно исчезнут совсем, о новом подходе к обучению детей – без насилия. Им казалось, что их идеи заразны, как болезнь, передающаяся по воздуху, и что однажды весь мир станет жить так, как они. Человечество станет единой огромной коммуной хиппи, все будут равны, и жизнь превратится в один нескончаемый праздник.

18. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ТЕОРИЯ ЧЕРНОЙ КОРОЛЕВЫ

Теория Черной Королевы была предложена ученым Леем Ван Валеном. Он отсылает нас к книге Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» (это продолжение «Алисы в Стране чудес»). В этом романе Алиса и Черная шахматная королева вдруг бросаются бежать.

«Алиса в изумлении огляделась.

– Что это? – спросила она. – Мы так и остались под этим деревом! Неужели мы не стонулись с места ни на шаг?

– Ну, конечно, нет, – ответила Королева. – А ты чего хотела?

– У нас, – сказала Алиса, с трудом переводя дух, – когда долго бежишь со всех ног, непременно попадешь в другое место.

– Какая медлительная страна! – сказала Королева. – Ну, а здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте!» Лей Ван Вален использует этот фрагмент, чтобы проиллюстрировать гонку усовершенствований между видами. Если ты не идешь вперед, значит, что ты в отстающих. Чтобы оставаться на месте, нужно идти так же быстро, как и все вокруг.

Вот конкретный пример. Если какой-либо вид животных будет все быстрее преследовать добычу, то и дичь будет становиться все более быстроногой. В результате соотношение сил станет неравным, а вся система в целом приведет к тому, что появятся животные, умеющие бегать быстрее.

Теория Черной Королевы гласит: «Среда, в которой мы живем, изменяется, и мы должны меняться с той же скоростью, чтобы оставаться на прежнем месте и не исчезнуть».

Лей Ван Вален приводит также, в пример бабочку, которая погружает хоботок в цветок орхидеи, чтобы добыть нектар. При этом она пачкается в пыльце, переносит ее на другие цветки и опыляет их. Но бабочки становятся все крупнее, хоботок у них удлиняется, и они могут пить нектар, не прикасаясь к пыльце. Это изменение пережили лишь те орхидеи, цветок которых был достаточно глубок, так что бабочке все-таки приходилось перемазаться в пыльце, прежде чем она добиралась до самых глубин, где находился нектар.

Орхидеи приспособились: нектарник^[2] переместился в глубь цветка. За этим последовало вымирание мелких бабочек. С каждым поколением орхидеи становятся все крупнее, а хоботок у бабочек удлиняется. Встречаются нектарники глубиной в двадцать пять сантиметров! Так теория Черной Королевы пробивает брешь в учении Дарвина: разные виды развиваются параллельно и изменяются, чтобы поддерживать свою адаптированность к окружающей среде.

Лей Ван Вален применяет свою теорию даже к гонке вооружений, упоминая все тот же пример о хищнике, все быстрее преследующем добычу. В человеческом обществе одновременному усовершенствованию подвергаются меч и щит. Чем крепче копьё, тем толще щит. Чем разрушительнее становятся ядерные ракеты, тем глубже бункеры и быстрее ракеты-перехватчики.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

19. ЛЮДИ-АКУЛЫ

– Это все из-за людей-дельфинов! Невысокий нервный человек с бородкой вещал, забравшись на стол.

– Эти негодяи заразили мозг наших детей своими утопиями и подвергают опасности нашу страну. Люди-дельфины – наши враги. Через свое искусство, культуру, науку и книги, они распространяют свои вредоносные идеи!

Человечек в гневе ударил кулаком в стену и отчеканил:

– Они – причина всех наших бед. Их нужно убить. Убить всех. Освободим нашу страну от этой заразы. Избавим от них весь мир! Никто из них не должен остаться в живых.

В ответ раздались смех и грубые выкрики.

– Ну ты и надрался, приятель!

Под улюлюканье посетителей человечек с бородкой покинул таверну. На прощание он поклялся, что еще вернется и сотрет с лица земли этот насквозь прогнивший притон, зараженный идеями людей-дельфинов.

Поначалу речи бородатого человечка вызывали только насмешки, а под конец в него начинали бросать разные предметы. Но страна людей-акул погружалась в глубокий кризис, вызванный демографическим взрывом, за которым не поспевала экономика. Возник новый класс бедняков, дестабилизировавший общество.

Как-то раз владелец металлургических заводов, утомленный постоянными конфликтами со своими рабочими, которых все сильнее захватывали идеи Утописта, услышал речи маленького бородача, и вышел вслед за ним из таверны.

– Вы настоящий провидец! Вы нашли истинную причину наших бед и предлагаете правильное решение проблемы. Дельфинья пропаганда уже принесла немало вреда наивным неокрепшим умам и нашим рабочим. Это нужно остановить любым способом. Думать, что люди равны, – что может быть глупее! Это привело к революции в Урсии ^[3], стране медведей, теперь там царит голод. В землях людей-дельфинов эти первопроходцы живут в полном разврате. Я, как и вы, не люблю людей-дельфинов. Я дам вам в помощь несколько парней и хочу, чтобы вы дали понять этим чужакам, что не им решать, как жить в этой стране. Считайте, что я поручил вам работу... чистильщика.

Получив от промышленника финансовую поддержку, бородач, который отныне называл себя Чистильщиком, в первую очередь занялся бунтующими рабочими. На демонстрациях его головорезы-чистильщики всегда были в первых рядах. Они публично сжигали на площадях книги, написанные людьми-дельфинами, особенно сочинения Утописта, Аналитика и Связующего, которых Чистильщик называл «тремя всадниками Апокалипсиса».

Теперь бородач выступал в тавернах под защитой своих подручных, вооруженных железными прутьями, и никто уже не осмеливался смеяться над ним. Он говорил все громче, тряся от ярости, молотил воздух кулаком.

– Дельфины хотят поработить акул, но мы им покажем, кто сильнее! Их идеи, как ржавчина, разъедают наши умы. Это гниль, которая поражает все, чего коснется. Дельфины говорят о равенстве, чтобы поработить вас, говорят о свободе, чтобы выпустить на свободу ваши низменные инстинкты, говорят об утопии, но на самом деле ведут нас к хаосу. Они называют себя наследниками мудрости людей-рыб, так бросим же их в море! Пусть утонут!

Толпа встречала эти слова аплодисментами и криками: «Смерть дельфинам! Смерть дельфинам!» Бородач продолжал:

– Обещаю, что если вы поможете мне прийти к власти, то на наших улицах вы никогда не

увидите нищую акулу, просящую подаяния, и проходящего мимо богатого дельфина. Мы заберем назад деньги, которые они украли у нашего народа. Никому из них пощады не будет.

Чистильщик со своими приспешниками поджидал дельфинов, когда те выходили из своих храмов, оскорбляли и били их. Они разбивали витрины магазинов, владельцами которых были дельфины.

Но правительство страны акул даже в разгар экономического и политического кризиса не могло допустить, чтобы в стране открыто совершалось столько насилия. Чистильщика арестовали за незаконную агитацию. Два года он провел в тюрьме и, пользуясь свободным временем, написал сочинение «Моя Правда», в котором излагал свой план очищения мира путем систематического истребления людей-дельфинов. Он писал: «Дельфинами считаются все, кто родился в семье дельфинов, двоюродные братья и сестры дельфинов, их мужья и жены, до шестой ступени родства. Двоюродный брат двоюродного брата дельфина – дельфин, и с ним следует поступать соответствующим образом». Чистильщик предлагал также уничтожить всех последователей Утописта, и поработить всех, кто не принадлежит к народу акул. «Чужеземцы должны работать ради славы и величия акул. Они должны подчиниться или погибнуть», – писал он. Он утверждал, что акулы, их философия и культура, завоюют весь мир. В заключение, чтобы привлечь тех, кто увлекался мистикой, он заявлял: «Я получил во сне божественное откровение и должен исполнить то, что мне поручено».

Ко всеобщему удивлению, «Моя Правда» пользовалась огромным успехом и отлично продавалась в книжных магазинах. Беднякам нравилась идея все отобрать у богатых. Чистильщики на каждом углу раздавали бесплатный суп бездомным и безработным, предпочитающим бездельничать вместо того, чтобы искать работу. Они предлагали им вступить в ряды народной милиции, которую продолжал финансировать промышленник-меценат.

Чистильщик обращался со своими речами даже к преступникам, сидевшим в тюрьме. Даже к рецидивистам. Накануне их освобождения он говорил им: «До сих пор вы использовали свои силы в дурных целях. Но теперь вы можете искупить свою вину, послужив делу очищения нашей страны! Мы найдем правильное применение вашей ловкости и стремлению к насилию».

Таверны, в которых когда-то смеялись над бородачом, были сожжены. На площадях по-прежнему пылали костры из книг. Чистильщики пели: «Смерть дельфинам! Смерть дельфинам! Да здравствует Чистка!» Огонь перекинулся на храмы дельфинов. Начались гонения против рабочих профсоюзов. Милиция чистильщиков совершила первые убийства. Бывшие преступники являлись в дома людей-дельфинов, убивали их и грабили. Обычная полиция ничего не могла поделать. Кроме того, в ее рядах было немало поклонников Чистильщика, которые не спешили помогать дельфинам и разыскивать виновных.

В то время как в соседней стране, Петушии, президент оказался дальним потомком дельфинов, и там началось всенародное голосование по правам человека и всемирному разоружению, в Акулии все было наоборот. Промышленник, финансировавший деятельность Чистильщика, оставил производство автомобилей. Теперь на его заводах делали оружие. Инженеры разрабатывали новые модели ружей, танков, современных самолетов.

Политическое движение «Анти-Дельфин» официально приняло участие в демократических выборах. Дважды оно не набирало нужного числа голосов, но в третий раз за него проголосовало большинство. Чистильщика назначили премьер-министром. Через несколько дней вышел закон, запрещающий людям-дельфинам занимать должности в государственных учреждениях, а также работать по нескольким специальностям, признанным особо важными для государства.

Всех преподавателей-дельфинов уволили. Студентам-дельфинам было запрещено учиться в университете.

Но Чистильщику и этого было мало. Почти не таясь, он организовал строительство заводов

по образцу боен для того, чтобы высылать из страны и убивать людей-дельфинов. Его ненависть к этому народу была так сильна, что он изобретал все новые способы, чтобы заставить их страдать как можно сильнее.

Всем было известно о существовании этих заводов, но все предпочитали делать вид, что они ничего не знают. Ни одна страна не выступила с протестом, считая, что это внутреннее дело людей-акул. С изумлением узнав, как просто творить зло, Чистильщик объявил, что приступает к Всемирной Чистке. Во имя борьбы с дельфинами он провозгласил себя императором акул и создал огромную армию, вооружение для которой поставлял его друг-промышленник, на заводах которого разрабатывались самые совершенные орудия убийства.

В порыве вдохновения Чистильщик с невероятным артистизмом заключил договор с новым диктатором-утопистом Урсии, который, забыв, что основателем его партии был дельфин, заявил, что целиком и полностью разделяет антидельфиньи убеждения маленького бородатого императора.

Заручившись поддержкой с востока, Чистильщик, используя танки и самую современную авиацию, атаковал западные и южные страны. Он начал с Петушии, победа над которой была стремительной и легкой. Затем акулы победили свиней, волков, чаек и народы, которые, по-видимому, остались без своих богов. Только лисы на своем острове оказали свирепое сопротивление благодаря тому, что у них был сильный военный флот.

Некоторые народы, видя победоносное шествие акул, предпочитали сдаться без боя или выбирать себе диктатора, который заключал союз с Чистильщиком. Люди-дельфины, жившие в этих странах уже десять, а кое-где и двадцать поколений, были пересчитаны, переписаны и загнаны в лагерь, откуда их увозили на заводы-бойни. Кварталы, где они жили, сжигали, их поселения исчезали с карт.

Император акул казался непобедимым. Многие ожидали, что он вот-вот воцарится на всей планете, и народ людей-акул будет править миром. Людей-дельфинов ожидало полное уничтожение.

Чистильщик так ненавидел все, что даже отдаленно было связано с дельфинами, что, завоевав южные, северные и западные страны, решил напасть на диктатора Урсии, своего восточного союзника.

Диктатор Урсии, горячий почитатель Чистильщика, был несказанно удивлен вторжением на его территорию войск бывшего друга. Он был в недоумении и терпел одно поражение за другим. Он надеялся, что Чистильщик передумает, и они вместе истребят последних дельфинов.

Армия акул продвигалась вперед по огромной территории людей-медведей, как горячий нож, разрезающий масло. Немногочисленные безумцы, попытавшиеся оказать сопротивление, были казнены с чудовищной жестокостью, чтобы вселить ужас в остальных. Сея ужас и зло, армия акул захватывала богатства и власть.

Завоевывая чужие страны, акулы присваивали не только материальные и духовные ценности, но и угоняли в рабство ученых, заставляя их создавать все более совершенное оружие. Покоренные страны были обязаны платить огромные налоги, чтобы акулы могли продолжать войну, а также выдавать людей-дельфинов, живущих на их земле. Кроме того, все дееспособные мужчины отправлялись простыми солдатами в армию акул либо становились рабами на заводах, без остановки производивших оружие.

Чистильщик сам поражался тому, как все и вся сдавались под его натиском. В конце концов он сам стал верить в то, что говорил раньше: «Вероятно, Бог, действительно, с нами, и я всего лишь исполняю его тайный замысел». Даже промышленник, финансировавший первые шаги Чистильщика, видя, как деньги текут к нему в руки, стал думать, что Чистильщик благословлен самим небом.

Казалось, что акулы уже одержали победу в мировой войне. Никто не видел силы, способной их остановить.

20. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: МИФОЛОГИЯ СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ

В северной мифологии существует такое понятие, как Валгалла, рай для героев. Туда не попадают умершие от болезней или старости, но только те, кто погиб в бою. Валькирии, богини войны, опьяняют людей жадой смерти, а затем забирают павших с поля битвы. Они приводят их в крепость Асгард, крыша которой сделана из шлемов и щитов. Там героев встречает сам бог Вотан. Бог Один объясняет умершим воинам, что теперь они продолжают начатую на земле битву здесь, в Асгарде.

Воины Валгаллы сражаются с утра до вечера, умирают и вновь воскресают, чтобы снова биться, пока не раздастся звон колокола, возвещающего о начале вечернего пира, во время которого воины рассказывают друг другу о своих дневных подвигах.

Чтобы восстановить силы, они пьют молоко козы Хейдрун, едят мясо кабана Сэхримнира и занимаются любовью с валькириями, которые подливают пиво в их кубки.

Во время этих пиров Один ничего не ест, а только пьет и кормит своих волков-убийц. Однако он не забывает напоминать воинам, что все, чем они заняты в Валгалле, – это всего лишь подготовка к последней битве, Рагнареку.

Тогда, выйдя из пятисот сорока дверей Асгарда воины Валгаллы встретятся с Локи, богом огня, и его армией. В ее рядах будет волк Фенрир, змей Ермунганд и множество других демонических порождений.

Если воины Валгаллы будут побеждены, тогда мир погибнет, и Локи разразится торжествующим хохотом.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

21. ЛЮДИ-ОРЛЫ

Птицы кружат вокруг небоскребов, кинотеатры заливают огнями широкие улицы, мужчины в смокингах и красивые женщины толпятся в очередях, чтобы попасть в мюзик-холлы, сверкающие машины томятся в первых пробках. Это Новая Орландия, столица людей-орлов, которую тысячи километров отделяют от земель, захваченных акулами.

Климат здесь удивительно мягкий, повсюду звучит ритмичная музыка, жители танцуют забавные танцы. Все прекрасно помнят историю своей страны. Новая Орландия построена более четырехсот лет назад колонистами, людьми-орлами, бежавшими из своей пришедшей в упадок империи на Старом Континенте.

«Если дела идут плохо, садись на корабль и уплывай». Следуя этому мудрому правилу людей-дельфинов, предки нынешних жителей Новой Орландии снарядили корабль и переплыли океан, чтобы начать новую жизнь на новом континенте.

Легко победив живших там людей-индюков, оставленных их богом, орлы обосновались на новых землях. Они построили большие современные города, не уступавшие другим столицам мира. Они считали себя первооткрывателями нового мира, но в то же время не забывали о великой древней империи орлов, которую считали праматерью всех современных культур.

Когда в Новой Орландии появились первые известия о том, что акулы захватили старый континент, президент Республики орлов обратился по радио к своему народу.

«Будем сохранять спокойствие. События, происходящие по ту сторону океана, не имеют к нам отношения».

И промышленная держава орлов стала продавать сталь и нефть всем воюющим сторонам. Они торговали и с людьми-акулами, которым требовалось все больше оружия, и с людьми-лисцами, которые держали оборону на своем острове. Общество людей-орлов разделилось на два лагеря. Большинство считало, что ради мира и всеобщего спокойствия не стоит вмешиваться в конфликт между другими странами. «Мы не должны посылать своих сыновей умирать за чужие земли, которые нам все равно не достанутся». «Это не наша война», – говорили они. «Мы ничего не выиграем, но много потеряем».

Некоторые орлы, актеры, певцы, профсоюзные деятели и политики, открыто восхищались личностью Чистильщика. Его простая и ясная речь, культ силы, открытая пропаганда насилия, его решимость идти до конца нравились тем, кто сам не мог похвастаться сильной волей. Интеллигенция и крупные промышленники также подпали под обаяние лидера акул. Они признавали военный гений Чистильщика, видели экономический подъем его страны, обсуждали возможность союза орлов и акул, необходимый для победы над Урсией, угрожавшей всему миру революцией и утопизмом.

Лишь небольшая часть населения, люди-дельфины жившие в стране орлов, осмеливались говорить о том, что Чистильщика, тирана и расиста, нужно остановить. Но их обвиняли в том, что они откальваются от общества ради солидарности с дельфинами, у которых возникали «небольшие недоразумения» на территориях, оккупированных акулами. Короче говоря, к ним никто не прислушивался. Некоторые интеллектуалы и свободные мыслители среди орлов тоже говорили, что Чистильщика нужно остановить. Они опасались, что, захватив весь Старый Континент, он заинтересуется и новым. Ведь в книге «Моя Правда» открытым текстом написано, что он собирается поработить все другие народы, чтобы они служили акулам!

Правительство орлов никак не могло решить, вступать в войну или нет. Стратеги Главного штаба советовали воздержаться от резких движений. Лучше подождать, пока все участники конфликта выдохнутся и ударить в тот момент, когда свежие силы орлов смогут реально

изменить ход войны. А пока президент приказал тайно начать изготовление оружия на одном из заводов, на случай, если оно действительно понадобится. Он был осторожен и дальновиден, и знал, что для того, чтобы победить мощную и опытную армию акул понадобится самое совершенное оружие.

Он решил, что пора вступать в войну, когда армию акул остановил на территории Урсии... холод.

Страна людей-медведей была расположена на севере, и зимы там были очень суровыми. Войска акул застряли у одного города медведей и никак не могли продвинуться дальше. Армия акул настолько ослабла от холода, что не могла больше противостоять медведям, которые без перерыва атаковали их. Заняв один из крупнейших городов, акулы были вынуждены отступить, бросая мертвых, раненых и пленных. Миф о непобедимом воине-акуле разбился.

Военные стратеги орлов решили открыть большую наступательную кампанию на западном фронте. Они приплыли на кораблях и начали высадку пехоты.

Несмотря на огромную численность, отличное вооружение, мотивацию, эффект неожиданности, орлам с большим трудом удалось закрепиться на берегах, оккупированных акулами. Погода была ужасной. В небе сверкали молнии, которые то и дело попадали в металлические баржи. На море было сильное волнение, и солдаты, измотанные качкой, выбирались на берег, еле держась на ногах. Там их встречал пулеметный огонь акул, которые построили бункеры вдоль всего западного побережья. Первая партия солдат-орлов, пытавшихся высадиться на берег, была уничтожена, вторая – отброшена.

В этой битве решалась судьба планеты. Каждая минута имела значение. Даже погода участвовала в сражении. Наконец, показалось солнце, дождь прекратился, и третья группа солдат-орлов, отличавшаяся особым мужеством, сумела ценой огромных потерь закрепиться на берегу, в дюнах. В войска антиакульего альянса вернулась надежда.

Но война была еще далеко не кончена. Акулы, видя, что несут потери на западном и восточном фронтах, усилила кампанию по истреблению дельфинов. «Если мы погибнем, то и все дельфины тоже. Освободить мир от этих паразитов – наш священный долг перед человечеством. Ведь мы прежде всего выступаем против дельфинов!» – кричал Чистильщик, выступая перед толпами почитателей. Сильнее всего его речи действовали на подростков в военной форме.

Заводы-бойни уничтожали все больше дельфинов. Акулы пытались опередить время, которое работало против них. На западном фронте солдаты-акулы, в бешенстве от своих повторяющихся поражений, запирали гражданское население в церквях и сжигали людей заживо. На восточном фронте они украшали деревья повешенными медведями, как чудовищными елочными игрушками.

Детей-акул с девяти лет забирали в отряды бешеных камикадзе и учили подрывать себя и противника гранатами. Они гибли с криком «Слава Чистильщику! Смерть дельфинам!» Победа была теперь на стороне орлов, но они продвигались вперед с большим трудом. Черный дым, вырывающийся из трубы заводов смерти, заволакивал небо.

Очень долго исход мировой войны был неясен. Группа генералов-акул хотела остановить Чистильщика, одержимого манией разрушения, подложив бомбу под его письменный стол. Но тиран, почувствовав что-то в последнюю минуту, успел укрыться за массивной мебелью и избежал смерти. Он тут же начал чистку в рядах своего Генерального штаба, оставив при себе только тех, кто как и он сам, был готов сражаться до последнего издыхания со «всемирным дельфиньим заговором».

Смертные сражались на земле, в воздухе, на воде и под водой. Подводные лодки были уже изобретены, и самые совершенные из них были построены акулами.

Груды трупов росли. Казалось, все человечество охвачено стремлением к гибели. На этой войне без разбора убивали солдат и мирное население, мужчин и женщин, детей и стариков. Ни один континент, ни один остров, ни одна страна не остались в стороне. Все были поражены вирусом уничтожения. Мир разделился на два лагеря – на тех, кто встал под знамена акул, и тех, кто воевал на стороне орлов. Ученые-акулы изобретали все более смертоносное оружие. Они придумали ракеты, начиненные взрывчаткой, которые поднимались в воздух, достигали верхних слоев атмосферы и падали на города людей-акул.

Но в конце концов акулы были отброшены назад, их столицу бомбили и взяли в кольцо. Чистильщик покончил с собой. Перед смертью он сказал: «Это все из-за дельфинов! Пусть все, кто любил меня, посвятит свою жизнь их уничтожению!»

Воюющие стороны подписали мирный договор.

Заводы-бойни работали до последней минуты, и даже после заключения мира преданные Чистильщику акулы делали вид, что не получали приказа, стараясь казнить как можно больше дельфинов.

Повсюду воцарился мир, и тогда во всей полноте открылась картина ненависти Чистильщика к дельфинам.

Народ орлов вышел из этой войны победителем. Военная промышленность работала на полную мощность, в стране больше не было безработицы, в экономике наблюдался подъем. Политическое влияние орлов распространялось теперь на всю планету. Все страны одна за другой подчинились им. Пережив ужасы войны все хотели только одного – мира. Был создан союз всех стран мира, и его штаб-квартира находилась, разумеется, в Новой Орландии.

Люди-орлы успели предоставить убежище некоторым ученым-дельфинам, и теперь прогресс технологий в стране орлов был обеспечен. Благодарные дельфины принялись за дело. Они создали первые компьютеры. Вдохновляясь трудами Связующего, они построили первые атомные электростанции.

Ученый-акула, освобожденный из плена после перемирия, помог создать ракету по образцу тех, которые раньше бомбили остров лис. С помощью новой ракеты орлы хотели запустить в небо астронавтов. Спустя несколько лет поисков и ошибок инженерам удалось построить ракету, способную поднять людей в воздух и долететь до ближайшей планеты.

Состоялся запуск. Все жители Земли-18 следили за этим событием по радио и телевидению. Ракета поднялась, вышла в космос, достигла цели и опустила на планету секцию с астронавтами.

Астронавт, первым ступивший на новую планету, задыхаясь, произнес в микрофон, закрепленный в его шлеме, слова, которые услышал во сне накануне полета: «Мы победили!» И воткнул флаг орлов в каменистую, покрытую пылью землю незнакомой планеты.

22. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ПИФАГОР

В школе все мы изучали теорему Пифагора: «в прямоугольном треугольнике квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов». Однако Пифагор – не только ученый-математик. Он родился на острове Самос в начале VI века до н. э. в семье богатого купца, торговавшего драгоценными перстнями. Дельфийская прорицательница, к которой обратились родители Пифагора во время путешествия, предсказала им рождение сына, «который сделает много полезного для человечества и будет славен во все времена», и посоветовала отправиться в Финикию, в город Сидон, чтобы получить для ребенка благословение в иудейском храме. Когда младенец появился на свет, родители назвали его Пифагором, в честь Пифии-прорицательницы.

Юный Пифагор был хорошим атлетом и участвовал в Олимпийских играх. Он много путешествовал, изучая в разных странах науки, относящиеся к самым разным областям знания. В Си-доне он учился искусствам у Гермодаманта, в Сиросе – философии у Ферекида, в Милете – математике у Фалеса, в Египте – у жрецов Мемфиса, посвятивших его в мистерии Осириса и Изида. Когда персы завоевали Египет, Пифагора вместе с другими учеными и жрецами угнали в Вавилон, однако ему удалось бежать и вернуться на родину в Грецию. Он пришел на юг Италии в город Кротон (Италия тогда была частью Великой Греции) и создал там смешанную школу с многоступенчатой системой обучения, где преподавал разные науки.

На первом «подготовительном» этапе, который длился от двух до пяти лет, ученикам предписывалось молчание во время уроков, слушать педагогов и размышлять о сказанном, чтобы развить и обострить все чувства. Они должны были постичь смысл дельфийского изречения «Познай самого себя, и ты познаешь небеса и богов».

На втором этапе, который назвался «Эволюция», начиналось изучение чисел, а затем музыки, которую считали неразрывно связанной с математикой.

Пифагор говорил:

«Эволюция – закон жизни.
Число – закон мироздания.
Единство – закон Бога».

На третьем этапе, который назывался «Совершенствованием», приступали к изучению космогонии. Согласно Пифагору, планеты произошли от Солнца, они вращаются вокруг него (в этом он противоречил Аристотелю, который полагал, что Земля находится в центре Вселенной), а звезды также являются солнечными системами. Он заявлял, что «животные родственны человеку, а человек – Богу»; живые существа изменяются согласно законам отбора, а также согласно закону действия невидимых сил.

На четвертом этапе, «Эпифании» (что дословно означает «открытие истины при взгляде сверху»), ученик-пифагореец должен был достичь трех совершенств: обрести истину в разуме, добродетель в душе, чистоту в теле. Тогда ученик мог вступить в брак с женщиной (желательно также пифагорейкой) и произвести на свет дитя, чтобы дать какой-нибудь душе возможность прийти в мир.

Пифагор также говорил:

«Сон, Мечта и Экстаз суть три двери, ведущие в иной мир, откуда к нам приходят наука о Душе и искусство прорицания».

Воспитанники Пифагора перед окончанием обучения должны были начать принимать

участие в общественной жизни. Одним из лучших его учеников был Гиппократ, основатель древней медицины и автор знаменитой клятвы, носящей его имя.

Когда войска города Сибарис напали на Кротон, тщедушный полководец-пифагореец сумел обратить врага в бегство и захватить Сибарис. Но, к несчастью, один из тех, кого не приняли в школу Пифагора, воспользовался беспорядками во время этих событий и оклеветал ученого, распуслав слухи о том, что он вместе со своими последователями намерен присвоить всю добычу. Жители Кротона под предводительством клеветника напали на школу, подожгли ее и убили Пифагора вместе с его тридцатью восемью учениками, которые пытались защитить его. После гибели Пифагора, его ученики подверглись преследованиям, а написанные им книги были сожжены.

Сократ, который читал один из трех чудесным образом уцелевших трудов Пифагора, никогда не отрицал, что его учения основаны на теориях погибшего ученого.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

23. КОНЕЦ ИГРЫ

Я измотан. Толпа на скамьях ревет. Меня бьет дрожь, холодный пот течет по спине. Наверное, у меня температура, все тело горит как в огне. Анкх выскальзывает из моих влажных рук, и болтается на цепочке у меня на шее.

Другие игроки тоже без сил. У Эдит Пиаф, богини людей-петухов, совершенно безумные глаза. Жан де Лафонтен вытирает пот с лица. Рабле весь красный, он тоже дрожит. У Бруно Баллара из носа пошла кровь – сказывается перенапряжение. Жоржа Мельеса не держат ноги. Густав Эйфель медленно спускается с лестницы и падает на землю. Симона Синьоре плачет. Тулуз-Лотрек вцепился в свой табурет, словно боится свалиться с него.

Зрители в Амфитеатре Олимпии беснуются. Картины чудовищной жестокости, которые они видели во время нашей последней игры, привели их в неистовство. Для них эта бойня была всего лишь зрелищем. Они смотрели на это так, как смотрят на сражающихся гладиаторов.

На гигантских экранах развевается флаг орлов, толпы приветствуют высадку астронавтов на новой планете. Рауль вскидывает руку в победном жесте, аплодисменты волнами прокатываются по скамьям Амфитеатра, вторя гулу толпы на экранах. Боги-преподаватели в восторге.

Очень жаль, Мата, но я проиграл.

Я недооценил противников. Думая, что идеи сильнее грубой силы, я совершил страшную ошибку.

Тот, у кого в руках кувалда, а в голове желание разрушать, всегда одержит победу над тем, кто логически рассуждает и стремится созидать.

Зрители все еще приветствуют победителя.

Ну что ж, все кончено.

Я в растерянности смотрю на Землю-18, маленькую планету, поле для странной игры, в которой я потерпел поражение. Я все никак не могу понять... Конечно, в этой последней игре все мы были готовы на все, но такого я не ожидал!

Я смотрю на Ксавье Дюпюи. Он не просто пытался победить меня, он придумал, как уничтожить моих людей в промышленных масштабах, словно боялся, что смогу победить.

Успех трех моих пророков напугал его!

Он не просто убивал людей-дельфинов, он собирал их толпами, раздевал догола, брил, клеймил, душил отравленным газом. Женщин, детей, стариков. Он уничтожал их храмы, книги, музыку, живопись, стирал малейший след их культуры. Словно хотел уничтожить даже воспоминание о моем народе.

Откуда столько ненависти?

Я чувствую, что во мне закипает ярость. В жилах течет расплавленный гнев.

Я смотрю в глаза бога акул, так же изможденного, как и я. Он машет мне рукой – так футболисты подбадривают друг друга после особенно тяжелого матча. Он машет мне рукой с видом спортсмена, расстроенного плохой игрой.

Мне кажется, что все происходит как в замедленной съемке. Я целюсь в него из анкха и стреляю. Но мое оружие разряжено... Тогда я бросаюсь на него и со всей силы бью кулаком по лицу. Я слышу, как хрустнул его нос, летят брызги крови, и вторым кулаком с удесятеренной силой бью его в подбородок. Я сломал ему челюсть, его зубы крошатся, словно они из стекла.

Дюпюи пытается закрыть лицо руками, но я бью его коленом в пах. Он падает на колени, и получает яростный удар в висок. Валится на бок, я бью его по ребрам.

Кентавры пытаются меня остановить, но я хватаю анкх бога акул. Он заряжен! Я направляю оружие на кентавров, они останавливаются, потом отступают. Должно быть, я выгляжу сейчас

устрашающе.

Я оборачиваюсь и направляю анкх на Рауля Разорбака. Зрители раздражаются криками. Я чувствую, что «глава окончена», мне нечего терять, а значит, я могу дать выход своим чувствам. Губы Рауля движутся медленно, раздается низкий голос, с подвыванием произносящий:

– Э-ЭЯЙ! Я-ЭЯ-АС! ЭЗ-ЕЯ-ЫЫ-ОИ.

Вдруг замедленная съемка исчезает, звуки становятся нормальными. Пленка в моем мозгу прокручивается обратно, и я понимаю, что Рауль сказал:

– Не стреляй! Я тебя спас! Без меня ты бы погиб. Я сглатываю.

– Ты позволил акулам истреблять мой народ! Ты слишком долго медлил с высадкой. Ты сделал это специально, чтобы я не представлял для тебя угрозы.

Я снова поднимаю анкх.

– Я спас часть твоих людей. Только в моей стране твои ученые чувствовали себя в безопасности, в то время как весь мир убивал их.

– Почему ты так долго не вмешивался?

– Я был не готов, – отвечает Руль. – Если бы я начал высадку слишком рано, то потерпел бы поражение и Дюпюи выиграл бы. Согласись, что моя высадка его добила.

Никто не осмеливается прервать нас. Зрители с удивлением слушают наш спор.

– То, что произошло, ужасно, но все могло бы быть еще хуже. Мишель, Акулы могли победить.

Я не опускаю оружие, держу палец на спусковом колесике. Рауль продолжает защищать свои позиции:

– Вспомни, что говорил Ганди: «Иногда кажется, что злодеи победят, потому что одерживают верх насилем и ложью, но нужно помнить, что хорошие все равно победят».

– Это всего лишь слова.

– Нет, это историческая правда. И знаешь почему? Потому что твоя доброта – это самая сильная форма разума. Злые никогда не побеждают. Моя новая империя орлов будет защищать дело мира и свободы, которые так дороги нам с тобой, Мишель.

– И сколько это продлится?

– Мишель, я не враг тебе. Я твой друг. Ты тоже мог бы выиграть, но ты идеалист. У меня лучше получилось установить новый мировой порядок – прочный и стабильный. Сначала сила, потом разум. Человечество прежде всего должно быть сильным. Разум – это роскошь.

– Я бы создал мир-утопию...

– «Утопия» в переводе означает «место, которого не существует». Само слово, которое ты выбрал, уже о многом говорит.

– Я бы заставил его существовать, – упрямо отвечаю я.

– Если бы ты выиграл, Земля-18 оказалась бы в руках прекрасногодушного мечтателя. Это не разумно. Сначала надежность и сила, потом мечты.

Я теряю уверенность в своей правоте. Рука, сжимающая анкх, еле заметно опускается.

– Ты прекрасно знаешь, что выиграть сражение невозможно, вооружившись одними лишь прекрасными намерениями. Даже три твои пророка не подходили тому времени. Твою революцию прибрал к рукам диктатор, научную революцию – военные, которым нужно было новое оружие. А твой Аналитик появился слишком рано, и его идеи использовали разные спекулянты.

Я снова поднимаю анкх, но Рауль продолжает.

– Ты отлично играл, но ты совсем не чувствуешь реальность. Смертные на Земле-18 пока всего лишь... обезьяны. Одними идеями их не отвлечешь от страсти к разрушению. Страх перед солдатами и полицией пока гораздо эффективнее.

Я отчаянно думаю, что ответить ему, но не нахожу. И еле слышно признаю:

– Я устал быть добрым.

Я бросаю анкх на землю и поворачиваюсь к нему спиной. Со всех сторон бегут кентавры, чтобы схватить меня. Обращаясь к богам-олимпийцам, я успеваю крикнуть:

– Требую...

Кентавры не дают мне закончить и бросают на землю. Афина приказывает поднять меня на ноги. Она разрешает мне говорить.

– Требую, чтобы мы переиграли Финальную игру. Богиня справедливости с изумлением смотрит на меня, потом начинает смеяться. Весь Амфитеатр хохочет.

И в этот момент происходит нечто удивительное. Один из зрителей, альбинос с красными глазами, начинает стремительно расти и превращается в пятиметрового гиганта.

Царь Олимпа смешался с толпой на трибунах, чтобы увидеть Финальную игру.

Все поражены, многие падают ниц. Сияние вокруг Зевса становится ослепительным, никто не может смотреть на него, все отводят глаза. Зевс поднимает руку, призывая к тишине. Все присутствующие не могут оправиться от изумления. Для тех, кто никогда не видел Зевса, это потрясающее зрелище.

Зевс начинает говорить. От его глубокого гулкого голоса все вокруг дрожит.

– Пусть Мишель Пэнсон получит то, что он просит. Афина, прикрывая глаза рукой, бормочет:

– Конечно, Зевс... Но как это сделать? Зевс нахмуривается.

– Вы что, забыли, где мы? И кто мы? Вы забыли, кто я?

Повелитель Олимпа потрясает своим огромным анкхом как скипетром и направляет его на Землю-18. Он нажимает несколько кнопок, и на экранах, водруженных над Амфитеатром мы видим совершенно невероятное зрелище.

Словно фильм прокручивается обратно с невероятной скоростью. Флаг, воткнутый в землю неизвестной планеты, выдергивается, астронавты пятятся к ракете, которая возвращается назад. Солнце крутится в обратную сторону.

Дождь отрывается от земли и исчезает в тучах. Черный дым, вырывающийся из труб заводов смерти, становится голыми людьми, которые одеваются, садятся в поезда и возвращаются домой. Земля над ямами, куда сбрасывали трупы, поднимается, мертвецы, спавшие вечным сном, просыпаются.

Солдаты-орлы, совершавшие высадку, бегут спиной назад к морю, поднимаются на корабли, пули вылетают из их тел и летят обратно к пулеметам.

Раны зарастают, все возвращается домой.

Мертвые поднимаются из могил на трясущихся ногах.

Служащие похоронных бюро отвозят их в больницы, приюты или семьи, откуда когда-то забрали их.

Они становятся все здоровее и моложе.

Их спины распрямляются. Зубы вырастают. Морщины исчезают. На лысых головах отрастают волосы темные, светлые или рыжие. Седина исчезает.

Старики молодеют.

Взрослые становятся юными.

Подростки превращаются в детей, только что научившихся ползать.

Дети – в новорожденных младенцев.

Младенцы возвращаются в животы матерей.

Животы матерей исчезают.

Эмбрионы становятся яйцеклетками, от которых отрываются сперматозоиды.

Сперматозоиды возвращаются в члены отцов.

Все идет вспять.

Куры становятся цыплятами.

Цыплята – яйцами.

Одежда превращается в коробочки хлопка и овечью шерсть.

Ботинки превращаются в крокодилов и ланей.

Гамбургеры – в коров.

Сосиски – в свиней..

Металлические предметы превращаются в куски РУДЫ.

Деревья – в семена.

Фрукты – в цветы.

Какое это дивное зрелище – возвращение назад.

Как прекрасно видеть, как все и вся возвращается к своим истокам.

Наконец все замирает.

– Финальная игра будет сыграна заново, – объявляет Зевс.

Никто не решается спорить с царем олимпийских богов.

24. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЦАРЬ НИМРОД

В Библии рассказывается о том, как Ной спас человечество от потопа. Он построил ковчег и, проплавав на нем сорок дней и ночей, высадился на горе Арарат. Его потомки вновь заселили землю.

Их становилось все больше, и они заселяли все более обширные территории. Один из них, искусный зверолов Нимрод, стал великим правителем. Он объединил людей в племена, а потом научил их жить в городах. Нимрод построил Ниневию и Вавилон и основал первое после потопа царство, и которого была армия и полиция.

Иудейско-римский историк Иосиф Флавий в своей книге «Иудейские древности» рассказывает, что царь-охотник Нимрод стал тираном и полагал, что единственный способ избавить человека от страха перед Богом – запугать его еще сильнее здесь, на земле. Нимрод пообещал своему народу защитить его от Бога, грозившего новым потопом, и затеял головокружительное предприятие: строительство Вавилонской башни. Она должна была быть выше горы Арарат. Иосиф Флавий пишет: «Толпа единодушно выразила желание последовать предложениям Нимрода и стала считать повиновение Господу Богу [позорным] рабством. И вот они начали строить башню, не щадя рвения и усилий. Вследствие множества рабочих рук, башня росла скорее, чем можно было бы раньше предполагать».

Когда башня стала достаточно высокой, царь Нимрод поднялся на ее вершину и воскликнул: «Посмотрим, можно ли отсюда дотянуться до Бога». Он пустил стрелу в облака, но она упала к его ногам. Тогда Нимрод приказал: «Башня недостаточно высока, продолжайте строительство». Однако, как написано в десятой главе книги Бытия, Бог, рассерженный подобной дерзостью, сделал так, что все, кто возводил и прежде говорил на одном языке, перестали понимать друг друга, стали строить как попало, и башня рухнула.

Царь Нимрод также был ужасно наказан. В нос ему влетел комар, у царя начались сильные головные боли. Он просил всех вокруг бить его по голове, надеясь, что это поможет избавиться от комара, который причинял ему страшные мучения.

Так, тот, кто пытался поразить Бога стрелой, сам погиб от жала самого слабого и жалкого из созданий – комара.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

25. НОВАЯ ИГРА

Итак, то, что было сделано, может быть разрушено.

А то, что было разрушено, может быть переделано. Сделано иначе.

Меня одолевают противоречивые чувства.

Если Зевс может повернуть время вспять, значит ли это, что он может и оживить мою любовь, мою Мату Хару?

Но я понимаю, что это возможно только на Земле-18, в этом искусственно созданном мире, на черновике.

Это как в компьютерной игре. На Земле-1 я увлекался стратегиями или военными симуляторами, и всегда мог остановиться, если чувствовал, что проигрываю. Вернуться в меню и запустить сохраненную версию игры. И я возвращался в то время и место, когда игра начинала идти не так, как мне было нужно.

Рауль прав, я принимаю игру слишком близко к сердцу. Я забыл, что это всего лишь игра, как, например, шахматы. И можно, как на шахматной доске, переиграть отдельные фрагменты партии.

Зевс уменьшается, теперь он чуть выше других богов-олимпийцев. Он садится среди преподавателей, в руках у него попкорн. Зевс ясно показывает, что он пришел развлечься, посмотреть фильм о новой версии истории Земли-18.

Рауль Разорбак, лишенный лавров победителя, шепчет: «Но я же выиграл!» Он не решается сказать это громко, чтобы не навлечь на себя гнев царя богов.

Хариты помогают Ксавье Дюпюи подняться. Он сплевывает кровь. Его лицо представляет собой одну зияющую, кровоточащую рану. Дюпюи стонет, хариты хлопчут вокруг него. Он не смотрит на меня.

Он боится меня.

Когда я был смертным, никто и никогда не боялся меня. Но когда-нибудь все происходит впервые. Появляется насилие, страх. Возможно, с их помощью можно решить часть проблем. Должен признать, что вид мучителя моего народа в окровавленной тоге, с лицом, распухшим вдвое, доставляет мне странное удовольствие, которое отвратительно мне самому.

Так вот, что такое месть.

– Вы можете играть, Ксавье? – спрашивает Афина.

Дюпюи кивает. Его голова перевязана окровавленными бинтами. Хариты несут его на руках к стеклянной сфере, в которую заключена наша планета. Жан де Лафонтен пожимает плечами, его все это развлекает. Эдит Пиаф, Рабле, Симона Синьоре, Жорж Мельес, Тулуз-Лотрек, Бруно Баллар и Густав Эйфель надеются, что возможность сыграть еще раз дает им шанс выиграть.

Я окидываю взором те территории Земли-18, на которые почти не обращал внимания в первой игре. Я вижу, что Тулуз-Лотрек, бывший покровитель людей-коз, подобрал народ медведей, оставшихся без своего бога.

Жан де Лафонтен, бог людей-чаек, поступил так же: он занял земли людей-лисиц и помог одержать им победу над акулами.

Бруно Баллар, бог людей-коршунов, контролирует огромную территорию. Он добился этого, осуществив жестокий захват южных народов.

Рабле, бог свиней, правит очень маленькой страной.

Жорж Мельес, бог тигров, и Густав Эйфель, бог термитов, покровительствуют перенаселенным странам, где живут народы с утонченной культурой.

Следуя указаниям Афины, три Оры раздают нам заряженные анкхи и бутерброды. Рабле

требует стакан вина, чтобы расслабиться. Эдит Пиаф просит сигарету, Дюпюи – обезболивающее, Бруно Баллар – кокаину. Я прошу принести кофе, чтобы взбодриться.

Афина не хочет заставлять Зевса ждать, и нам дают на отдых очень мало времени. Оры забирают у нас стаканы и салфетки. Кентавры заново расставляют лестницы и табуреты вокруг сферы.

Удар гонга.

Мы занимаем свои места. Хариты помогают Дюпюи подняться на возвышение, поддерживая его под руки.

– Игра начинается, – объявляет Афина.

Удар гонга.

Помня о своем недавнем провале, я отказываюсь от идеи совершить переворот в сознании людей, и сосредотачиваюсь на создании подпольной армии дельфинов, которая сможет защитить мой народ. Я больше не распляшусь на искусство и науку, и отдаю все силы наращиванию военной мощи. Если люди-акулы вновь задумают уничтожить мой народ, они встретят жестокое сопротивление, а не философов, стремящихся жить в мире, уважающих жизнь и достоинство другого человека, что в прошлый раз мешало им убивать, а значит, защищаться.

Теперь мои люди-дельфины в совершенстве осваивают производство нового оружия, небольших автоматов. Их удобно прятать и у них слабая отдача.

Я отказываюсь от изобретения утопизма, и, как следствие, люди-медведи не совершают утопистской революции, в Урсии по-прежнему монархия, царская династия благополучно остается на троне.

Но конфликт снова назревает. Все начинается с приграничных инцидентов, споров о цене на импортные товары и о небольших анклавах, существующих в соседних странах. Дипломатам не удается достигнуть договоренности.

Я знаю, к чему это может привести. Зародыш войны надо душить в самом начале. И я снова съезжаю на проторенную колею – прекращаю попытки вооружить мой народ и возвращаюсь к своему великому проекту об установлении мира во всем мире. Для этого мой народ предпринимает попытку создать Союз народов. Если я хочу спасти мой народ, то должен спасти весь мир. Только мир на всей планете поможет избежать кровавой бойни, которая началась во время прошлой игры.

Люди-дельфины с восторгом воспринимают эту идею, они создают благотворительные организации, прекрасные шпионки соблазняют политиков всех стран, в том числе и диктаторов, и заставляют их отказаться от захватнических планов. Сексуальность побеждает даже самых воинственных из них. У меня появляется надежда действительно установить мир на всей Земле-18.

Затишье длится около двадцати лет. Мне кажется, что я выиграл, и я снова возвращаюсь к своим идеям об Утопии, Связи и Анализе.

Но внезапно на планете начинает происходить что-то странное – повсюду начинаются антидельфиньи настроения. Ползут слухи, что дельфины отдают столько сил защите мира потому, что видят в этом личную выгоду. Журналисты твердят о «мирном заговоре». Политики заговорили о том, что «нужно иметь мужество для того, чтобы воевать» и «защищать свою родину». Людей-дельфинов обвиняли в том, что они ведут попустительскую политику и усыпляют бдительность, в том, что они слабаки и продались иностранцам.

Похоже, что каждое поколение хочет воевать, чтобы выпустить пар, забывая о цене, которую придется за это заплатить и о страданиях, которые пережили их родители.

Демагогия военных пробуждает в массах энтузиазм. Любые слова о мире освистываются, а тех, кто пытается выступить против войны, называют трусами.

У людей-акул снова появляется харизматический лидер. Теперь его называют Истребитель. У него не борода, а заостренные усы. Флаг, под которым он выступает, не зеленый как у Чистильщика, а черный. У песен, которые распевает его приспешники, другие слова, но они полны такой же ненависти, как гимны времен Чистильщика.

Истребитель устраивает государственный переворот и захватывает власть. В Урсии происходит то же самое, и к власти приходит один генерал.

Диктаторы акул и медведей заключают союз и объявляют о том, что раскрыт «всемирный дельфиний заговор». Начинается кампания травли и клеветы, людей-дельфинов называют предателями, наемниками иностранных держав.

Объединившись, люди-акулы и люди-медведи преследуют мой народ. Мне кажется, что акулы испытывают такую ненависть к дельфинам потому, что их бог Ксавье Дюпюи зол на меня за разбитую челюсть и сломанный нос.

Игра продолжается, моих людей снова истребляют, акулы процветают, Ксавье Дюпюи торжествует.

На этот раз Рауль Разорбак и его люди-орлы вступает в игру раньше, чем в прошлый раз, вероятно опасаясь, что я снова буду обвинять его в бездействии. Высадка его солдат происходит гораздо оперативнее, но люди-акулы дают ему отпор, и в результате в глубь материка Рауль продвигается так же медленно, как в предыдущей партии. Я думаю о том, что когда-то сказал мне Эдмонд Уэллс: «А что, если мы обречены без конца проживать одну и ту же историю, потому что это только эта история суждена человечеству?»

Я говорю себе, что, возможно, Эдем и нужен только для того, чтобы, выпуск за выпуском, проверять, можно ли улучшить или исправить версию событий, происходивших на Земле-1.

Я напряженно играю свою партию. Стараюсь спасти все, что может быть спасено. Немного, по правде говоря. Рауль снова побеждает в мировой войне, и ученые-дельфины снова помогают ему завоевать космос.

Остальным ученикам тоже не удалось изменить ход игры. Космический корабль людей-орлов садится на соседнюю планету, астронавт произносит исторические слова: «Отныне границы нашей территории пролегают здесь».

Раздается удар гонга, возвещающий окончание игры и победу Рауля Разорбака. Зрители аплодируют гораздо более сдержанно, чем в первый раз. Все смотрят на Зевса, чтобы узнать его мнение. Зевс сидит неподвижно, не хлопает. Он погружен в глубокую задумчивость.

– Я хочу переиграть еще раз, – говорю я.

В толпе, сидящей на скамьях Амфитеатра, пробегает недовольный ропот. Раздаются выкрики «никудышный игрок», «слабак». Я вижу, что и боги-преподаватели возмущены моим упрямством. Однако они почтительно ждут решения Зевса. Наконец глава олимпийских богов медленно встает и жестом приказывает всем замолчать. Рауль Разорбак шепчет: «Нет, хватит! Я же выиграл!» Другие ученики ошеломлены моей дерзостью.

– Пусть будет так, как он хочет! – решительно говорит царь Олимпа.

Оры и хариты снова раздают нам заряженные анкхи, разносят бутерброды и горячие напитки в термосах. Темнеет, и кентавры повсюду зажигают факелы.

Я вспоминаю, что Зевс, когда я встретил его впервые, сказал, что его любимый фильм – «День сурка», история о человеке, который без конца проживает один и тот же день, добиваясь совершенства во всех своих поступках. Возможно, поэтому он разрешает мне переиграть те пятьдесят лет, которые занимает последняя, финальная партия. Пятьдесят лет, соответствующие промежутку с 1920 по 1970 годы на Земле-1. 1920 год – подъем националистических настроений в Европе. Июль 1969 года – «Аполлон» достигает Луны. Вот только представления о совершенстве у каждого игрока свои. Все происходит как в парадоксе о Черной королеве: ты

совершенствуешься, но и другие игроки совершенствуются, в итоге все остается по-прежнему.

Снова волшебство. Снова история поворачивает вспять.

На экранах флаг людей-орлов выдергивается из лунного грунта. Ракета возвращается на Землю.

Мертвые встают из могил.

Младенцы исчезают в животах матерей.

Все актеры снова на сцене, расставлены перед началом игры, как куклы, как манекены. Готовы к съемкам новой версии того же фильма. Мне никогда не надоест это зрелище.

Быть может, так я освобождаюсь от страха перед уходящим временем, перед невозможностью исправить прошлое.

Третий удар гонга: мы в третий раз переписываем историю Земли-18.

Я играю.

Теперь я, не стесняясь, спорю с другими игроками. Советую Раулю Разорбаку как можно быстрее выступить против Ксавье Дюпюи.

Начинай высадку вон там, я отвлеку войска акул грозой и молниями.

Мы используем опыт, полученный в предыдущих партиях, но и наши противники поступают так же, и наш сценарий почти не отличается от предыдущих.

Светает, я словно в трансе. Вижу, что Эдит Пиаф очень устала. Анкх то и дело выскальзывает у нее из рук, и она спускается с лестницы, чтобы подобрать его.

Знамя орлов снова водружено на Луне. Жидкие аплодисменты зрителей. Я требую опять переиграть партию. Зевс разрешает. Хариты приносят бутерброды и перезаряженные анкхи. Разносят зрителям корзины с едой.

На Земле-18 восстанавливается то, что было разрушено. Мертвецы воскресают. Фигуры вновь расставлены на доске, раздается удар гонга. Борьба начинается.

Снова наступает ночь. Зрители утомленные, мы тоже. На скамьях многие клюют носом, некоторые храпят. Но мы, боги, снова и снова продолжаем воссоздавать последнюю, несовершенную половину столетия. Моему народу удастся избежать массовых истреблений, но общий итог игры все тот же. Рауль Разорбак побеждает.

Во время очередной, кажется, седьмой, партии мне удастся создать независимое дельфинье государство, с надежно защищенными границами. Но и этого мало. Рауль опять выигрывает.

Я пробую разные стратегии, создаю новую религию, придумываю мессию, которому внимает весь мир. Но Рауль вновь присваивает себе его революционные слова и использует для того, чтобы возвеличить людей-орлов. Он отправляет космический корабль к ближайшей планете «во имя вести, принесенной Мессией».

Я пытаюсь понять, что же мешает мне выиграть. Может быть, моим людям-дельфинам не хватает воинственности? Но если им приходится воевать, они становятся отличными солдатами, хотя они и не грабят побежденных и не пытаются пленных, потому что это запрещено законами их предков.

Я заканчиваю эту партию почти так же удачно, как Рауль.

Во время другой партии дельфин становится президентом государства акул.

Затем я создаю дельфинье государство на острове посреди океана, вдали от любых опасностей.

Но всякий раз Рауль так или иначе одерживает победу. Удар гонга раздается, когда тринадцатая ракета людей-орлов садится на незнакомую планету, и астронавты, водружая там флаг с изображением хищной птицы с изогнутым клювом, произносят на весь мир: «Мы лучшие».

Никаких аплодисментов. Большинство зрителей спит.

Зевс встает. Он обращается ко мне:

– Мишель, ты хотел знать, и теперь ты знаешь. История повторяется. Меняются только детали, а результат всегда один.

– Но можно ведь как-то прекратить это хождение по кругу! Должен быть способ!

Зевс грустно качает головой.

– Значит, что бы мы ни делали, ничего нельзя изменить? – настаиваю я.

Зевс кивает.

– Ты должен смириться, – говорит царь Олимпа. – Смертные жители Земли таковы, и ты не можешь изменить их судьбу.

С этими словами Зевс превращается в величественного лебедя и улетает в сторону горы. Я слежу за ним, пока он не скрывается из глаз.

– Партия окончена! На этот раз действительно окончена, – объявляет богиня справедливости, с неприязнью глядя на меня.

Зрители с облегчением вздыхают.

Бог людей-акул смотрит на меня. Его глаза пылают ненавистью, он показывает мне неприличный жест. Не раздумывая, я поднимаю анкх и прицеливаюсь в него, держу на мушке его обмотанную окровавленными бинтами голову. Рауль, который первым понял, что я собираюсь сделать, пытается меня остановить. Ксавье Дюпюи, все еще показывающий мне фак, едва успевает удивиться, когда я поражаю его молнией. Голова бога людей-акул отрывается от шеи, взлетает в воздух и падает на землю, подсакивая, как футбольный мяч. Она катится к нижним ступеням Амфитеатра. Тело Ксавье Дюпюи неподвижно стоит, и через некоторое время падает на колени и застывает. Кровь фонтаном брызжет из отрубленной шеи. Потом тело обрушивается навзничь.

На лицах зрителей появляются гримасы ужаса.

Кентавры пытаются помешать мне. Я убиваю первого из тех, кто набрасывается на меня, другие останавливаются, разгневанно фыркая, бьют на месте копытами. Моя решимость пугает их. Я, как в вестерне, сдуваю невидимый пороховой дым с анкха и бросаю оружие на землю.

Афина заставляет кентавров схватить меня, пока я еще чего-нибудь не натворил, и я сдаюсь без сопротивления. Кентавры уносят части тела того, кто недавно еще был богом людей-акул.

Итак, все кончено.

С запавшими глазами, осунувшимися лицами, в запыленных тогах Эдит Пиаф, Жан де Лафонтен, Густав Эйфель, Жорж Мельес, Симона Синьоре, Тулуз-Лотрек, Франсуа Рабле, Бруно Баллар и Рауль Разор-бак удивленно смотрят на меня. Высоко над ступенями Амфитеатра астронавты людей-орлов радостно прыгают на незнакомой планете, где сила притяжения слабее, чем на Земле. Здесь, на Эдеме начинается рассвет, небо становится розовым и лиловым.

Афина ударяет копьем о землю и торжественно объявляет:

– Победителем в игре объявляется... Рауль Разорбак. Аплодисменты.

– Теперь, разберем игру. Снова раздастся гонг.

На экранах в ускоренном темпе проносится вся история Земли-18. Океан, покрывающий планету после таяния ледников, которое устроил Кронос, наш первый преподаватель. Появление бактерий, водных растений, инфузорий-туфелек, рыб. Первые материки появляются из воды. Рыбы превращаются в ящериц, ящерицы – в динозавров. Млекопитающие от самых маленьких до самых больших вылезают из своих логовищ, разноцветные птицы порхают над гнездами. Появляются первые люди. Толпы кочевников. Первые города, окруженные полями. Люди укрощают лошадь, приручают собаку, начинают хоронить покойников, соблюдая особые ритуалы, занимаются сельским хозяйством и ткачеством, изобретают колесо, кузницу, гончарный круг. Строят жилища из камня. Начинаются первые войны. Появляются древние

города, обнесенные каменными стенами. Рынки, дороги, акведуки, школы, замки, мастерские, паровой двигатель, бензиновый двигатель, электромотор, заводы, ружья, машины, самолеты, телевидение. Все растет, увеличивается, изменяется, развивается, чтобы привести к запуску ракеты людей-орлов, охваченной ярким пламенем.

Рауль низко кланяется, благодаря зрителям, которые громко скандируют его имя:

– Рауль Разорбак! Рауль Разорбак!

Ему бросают цветы, увенчивают лавровым венком, лентами.

– А этого – в тюрьму, – приказывает богиня справедливости, указывая на меня пальцем. –

Завтра мы будем судить его, и он ответит за все свои преступления.

Все смотрят на меня. Афродита потрясена, но не решается вступить и отводит глаза.

Я шепчу:

– Прости меня, Мата Хари. Я проиграл...

26. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: АПОПТОЗ

Апоптоз – это явление программируемой клеточной смерти. Например, появление пальцев у человеческого зародыша – это тоже апоптоз.

На начальной стадии рука похожа на плавник рыбы или тюленя. Затем клетки, которые находятся между пальцами, отмирают. «Самоубийство» клеток необходимо для того, чтобы в конце концов получилась человеческая рука. Заканчивается «рыбья» стадия развития эмбриона.

Точно так же происходит исчезновение хвостика у зародыша. Саморазрушение этого хвостика означает завершение стадии «примитивного животного» в нашем развитии. Формируется позвоночник без хвостового отдела, характерный для человека.

В растительном мире апоптоз проявляется в осеннем листопаде. Каждый год дерево создает клетки, которые необходимы ему, но должны будут исчезнуть, чтобы дерево могло развиваться дальше.

В человеческом теле клетки постоянно обращаются к мозгу с вопросом – в чем их задача, зачем они нужны? Мозг указывает клеткам, как им расти и развиваться, а некоторым приказывает умереть.

Понимание феномена апоптоза открывает новые горизонты для ученых, в частности для исследователей раковых заболеваний. Рак появляется в результате того, что некоторые клетки отказываются выполнять приказ самоуничтожиться. Они продолжают расти, несмотря на сигналы, которые им посылает мозг. Некоторые ученые считают, что это происходит потому, что клетки эгоистично стремятся к бессмертию, и размножаются, хотя в результате этого погибнет весь организм.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

27. ТЮРЬМА

Дверь захлопывается. Гремят многочисленные засовы. Кентавры грубо обращаются со мной, ведь я убил одного из них. Камера довольно просторная. В ней даже есть вполне удобная кровать. Через зарешеченное окно я вижу окутанную туманом вершину первой Горы Эдема.

Я ложусь на постель. В моем мозгу всплывает вопрос, который я нередко задаю себе: «Что я тут делаю?» Что я делаю в тюрьме Олимпии, на краю вселенной, так далеко от Земли, где я родился?

Я пытаюсь заснуть. Но сон ведет себя как кошка, которая была у меня когда-то: его нет, когда он нужен, а когда не нужен тут как тут, и только мешает. В моей голове проносятся события последнего дня. Я неподвижно лежу с открытыми глазами и прерывисто дышу.

Итак, теперь я знаю: ничего нельзя изменить. Люди обречены повторять одни и те же ошибки, так как это записано в программе, согласно которой они действуют.

A.D.N.^[4]

Возможно, не случайно в середине, в самом центре – D, разрушение^[5].

Зевс оказал мне милость, позволил сыграть эту партию столько раз, сколько было нужно, чтобы я понял: историю смертных изменить невозможно.

У людей своя судьба.

У народов своя судьба.

Даже у животных.

Это напомнило мне два фокуса, которые показывал Жорж Мельес: какую бы цифру я ни выбрал вначале, отгадкой оказывалось слово «киви»^[6]. То же самое и с картами: сколько бы я ни взял карт, и как бы их ни раскладывал, в итоге все короли, дамы, валеты и тузы были разложены по отдельности. «Ты думаешь, что выбираешь, а на самом деле это совсем не так. Ты просто-напросто играешь по заранее написанному сценарию».

Эдмонд Уэллс говорил: «У Природы свои планы. Если у нее не получается добиться того, что ей нужно одним путем, она идет другим».

Я кружу по своей камере.

В одном углу я нахожу амфору и открываю ее. Снизу на пробке надпись: «Урожай Диониса». Бог пьяниц не забыл обо мне.

Я нюхаю содержимое, делаю глоток. Медовое вино ударяет в голову. Мысли начинают путаться.

Вдруг у дверей раздается какой-то шум. Кто-то пытается открыть замок. На пороге появляется какая-то женщина. Свет падает на нее так, что я не могу различить ее черты.

– Вон отсюда! Я никого не хочу видеть! Убирайтесь! – восклицаю я.

– Завтра боги-преподаватели соберутся, чтобы выбрать тебе наказание. Знай, что многие на твоей стороне. Они считают, что ты не перешел границ необходимой самообороны. Я пожимаю плечами.

– Я буду защищать тебя, – говорит богиня любви.

Меня окутывает ее запах. Но это уже не оказывает на меня того магического действия, как раньше. Я вспоминаю, что когда в первый раз почувствовал этот аромат, то просто лишился воли. Теперь же это просто информация.

Оставаясь в тени, богиня любви продолжила:

– Я твоя сторонница, даже если ты не веришь мне. Я люблю тебя, Мишель.

– Чего стоит любовь богини, расточавшей ее столь многим?

Афродита подходит ближе. Лунный свет падает на ее губы, освещает нижнюю часть лица.

– Любовь богини не меньше любви женщины. Я обещала любить тебя. Ты проиграл, но от этого не стал менее желанным для меня. Я всегда искренне любила тебя, хотя ты и не доверял мне. Страх мешает тебе увидеть истину.

– Уходи, Афродита. Ты всегда хотела затмить Мату Хари, единственную любовь моей жизни. Я боюсь, что не смогу удержаться от желания причинить тебе зло. Убить богиню любви – вполне логичное завершение списка моих злодеяний.

Я доведен до крайности. Мне уже нечего терять. Афродита подходит еще ближе. Луна освещает ее изумрудные глаза.

– Я не боюсь тебя, Мишель. Я вижу, что передо мной просто растерянный ребенок. Мой долг помогать детям. Даже агрессивным.

Теперь она всего в двух шагах от меня.

– Кроме того, у тебя просто нет выбора.

– Нет, выбор у меня есть. Всегда есть выбор. И я его уже сделал.

Я хватаю амфору с медовым вином и пью, пью, пью. В голове становится щекотно, кажется, что кровь, бегущая по венам, становится горячей.

– Мата Хари сделала тебя другим. Она была никто. Забудь о ней.

– Никогда не произноси ее имени! – удастся произнести мне в перерывах между икотой. Я снова поднимаю амфору. – Я не люблю тебя, Афродита. Ты только манипулируешь всеми. Ты не способна любить по-настоящему. И никогда, никогда не будешь стоять даже мизинца Маты Хари.

– Воспоминание о любви к этой женщине, которое ты хранишь, достойно уважение. Мне даже завидно.

– Прекрати жаловаться. Тебя любят все.

– Меня все желают. Испытывают желание при виде моего тела, моего обаяния. Но настоящая любовь не между телами, а между душами.

Я снова пожимаю плечами.

– Твой сын Гермафродит рассказал о том, как ты жила, когда была смертной, о том, как стала мстить мужчинам. Ты соблазняешь их только для того, чтобы причинять страдания. Он сказал, что ты стала богиней любви так, как некоторые люди становятся врачами, специализируясь на собственном заболевании. Они думают, что леча других, смогут вылечить и себя.

Я презрительно смотрю на нее.

– Ты способна любить меньше, чем кто-либо из всех, кого я знаю.

Афродита отшатывается, словно я ударил ее. Я чувствую, что она задета.

– Все, что ты говоришь – неправда. Я была такой, но я изменилась. Эдмонд Уэллс, твой учитель, как-то написал: «Сначала страх, потом вопросы, потом любовь». Мне кажется, я уже прошла все эти этапы. И я советую тебе тоже попытаться измениться, вырасти над собой, даже если тебе тяжело.

Она берет меня за руку. Другой рукой я держу амфору. Я без остановки пью вино.

– Неужели ты так презираешь меня, Мишель?

– Да, – отвечаю я, выдергивая руку. – Я вас презираю.

– А я тебя люблю, – говорит Афродита. – Действительно люблю. За то, какой ты в глубине души. Ты хороший. Хороший.

Я жадно допиваю остатки медового вина. Бросаю амфору, и она с грохотом разбивается о стену.

– Вы не понимаете? Я больше ни во что не верю. Если бы я мог сжечь Эдем, я сделал бы это. Я хочу, чтобы этот остров, эта планета, эта школа исчезли навсегда.

– Возможно, это и есть любовь. Я люблю тебя так сильно, что готова последовать за тобой, даже если ты одержим манией разрушения.

Я отталкиваю ее.

– Вы отвратительны мне, Афродита.

– Ты сам себе отвратителен. Я чувствую, как ты себя презираешь. Я должна помочь тебе снова подняться. Ты необыкновенный человек, но ты забыл об этом, потому что ослеплен гневом.

Ее жесты медленны и плавны, словно она боится спугнуть животное, которое приручает.

– У тебя все получится. Все кончено, страдать больше не из-за чего. Все кончено, твое сердце может успокоиться, отдохнуть. Ты такой же, как все, Мишель. Все дело в том, что тебя мало любили...

Она берет меня за руку, которой я оттолкнул ее, и гладит ее.

– Раньше меня тоже переполняла эта нелюбовь. А потом, во время последней игры, что-то произошло. Несправедливость по отношению к тебе и твоему народу пробудила меня. Я хочу тебе помочь. Я думаю над словами, которые Эдмонд Уэллс написал в своей книге: «Ты понимаешь, чем владеешь, только в тот момент, когда даришь это». Я могу подарить тебе искренность.

Афродита прижимается ко мне грудью. Мне хочется оттолкнуть ее, но я не могу. Она обнимает меня своими гибкими сильными руками. Ее тело словно горит, и я впитываю это тепло. Вдруг что-то начинает жечь мне глаза. Слезы текут по щекам, будто все напряжение последних дней превращается в соленую влагу.

– Все хорошо, – шепчет она и целует меня в лоб, в щеки. Ее губы ищут мои.

– Я обещала, что буду любить тебя, если ты отгадаешь загадку Сфинкса. Я хочу сдержать свое слово.

Афродита прикивает к моим губам. Я закрываю глаза. Мне кажется, что я поддаюсь какому-то злу, но алкоголь и чувство вины парализовали меня, и я не в силах отказаться от единственного утешения, которое выпало мне.

– Забудь, забудь на мгновение, – шепчет она мне на ухо.

Я закрываю глаза.

Я чувствую себя опустошенным. Распавшимся на части. Я ничком падаю на кровать. Афродита разворачивает меня к себе.

– Будем любить друг друга, Мишель, прошу тебя.

То, что происходит затем, находится за пределами того, что может пережить человек в своей телесной оболочке. Я узнал, что такое Ничто. Теперь я познал, что такое Все. Я коснулся дна, и поднимаюсь на поверхность. Краски, тепло, свет вспыхивают в моей голове. Потoki жидкого золота текут в моих венах.

Все мое тело, захваченное ликующими эндорфинами, превратилось в одушевленное наслаждение.

Я больше не знаю, кто я.

Я утратил всякое представление о прошлом и будущем. Я весь только в настоящем, восхитительном миге. Тело богини растворяется в моем, заставляет его содрогаться, как волшебный музыкальный инструмент, оживший от ее поцелуев и ласк. Я произношу ее имя:

– Афродита...

– Мишель.

«Во время линьки змея становится слепой».

А также теряет память.

Мы снова и снова занимаемся любовью, словно движемся в священном танце. Никогда моя

плоть не испытывала подобного наслаждения.

Истомленный и улыбающийся, я засыпаю в объятиях богини.

Я хочу жить долго.

28. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЭКРАН И ЯСНОСТЬ МЫСЛИ

В документальном фильме «Кинескоп» (2001) швейцарский режиссер Питер Энтелл показывает, как влияют на нас зрительные образы.

Был проведен эксперимент, чтобы выявить разницу между телезрителем и человеком, который смотрит кино.

На полотняном экране показывали фильм; половина зрителей сидела так, что проектор находился у них за спиной, как в кино, другой половине зрителей проектор был обращен в лицо, как при просмотре телефильма. По окончании просмотра зрителям были заданы вопросы, которые показали, что те, кто сидел спиной к проектору, сохранили способность анализировать и критично смотреть на вещи, а у тех, кто сидел к проектору лицом, так и не сложилось никакого внятного мнения о фильме. Кроме того, во время сеанса у них была снижена мыслительная активность.

Питер Энтелл называет телевидение «оскотиниванием разума». Мы находимся внутри света, который светит нам в лицо, и теряем способность дистанцироваться от того, что нам показывают. В кино, напротив, мы продолжаем мыслить самостоятельно, так как видим только отражение света.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том VI

Мне снится, что я умер.

Жизнь – это линия, состоящая из точек.

Сны – и есть эти точки.

Смерть – точка в самом конце.

Меня хоронят, и длинная процессия несет гроб на поднятых руках, петляя между холмами, между крытыми лиловыми склонами.

Это мой народ, люди-дельфины. Они несут мои останки. Все в черных смокингах, некоторые в цилиндрах. Женщины в шляпках с вуалями. Приблизившись, я вижу, что у них нет лиц. У них головы, как у шахматных фигур.

У тех, что поменьше, головы пешек, круглые и гладкие. У тех, что крупнее, головы Коней, с открытыми ртами и изящно вырезанными ноздрями, остроконечные головы Слонов. У самых больших – головы Королей, увенчанные коронами с крестом. Ферзи-королевы в зубчатых коронах одеты в пышные платья. Ни глаз, ни кожи... Только светлое дерево, гладкое, блестящее, покрытое лаком.

Их тысячи, они медленно и молча идут вперед, на кладбище.

Я лежу в гробу. На мне тога, в скрещенных на груди руках – анкх. Лицо как у глубоко заснувшего человека, веки тяжело опущены. Катафалк катится вперед, ее везут фигуры Коней с головами, украшенными черным плюмажем. На верху катафалка флаги с изображением дельфина, эмблемой, которая вела мою цивилизацию вперед.

Процессия останавливается посреди аллеи.

Несколько Королей снимают мой гроб с катафалка. Они несут его несколько метров и передают Королевам, те – Слонам. Слоны несут меня к могиле, опускают вниз на черных веревках.

Поодаль пешки в черных фартуках выбивают на голубом мраморе эпитафию:

Он пытался. Но не сумел.

От его народа.

Без обиды.

Звонят колокола.

Мне совсем не хочется открывать глаза. Я не могу оторваться от созерцания собственной могилы и чудовищной эпитафии:

Без обиды.

Они даже не сердятся на меня. Во сне, который я пытаюсь смотреть дальше, невзирая на колокольный звон, шахматные фигуры по очереди бросают цветы на мой гроб. Если присмотреться, за фигурами в смокингах стоят совсем тощие фигурки в арестантских робах, в кольчугах эпохи Возрождения, в шкурах зверей, как первобытные люди.

Один Слон в сутане произносит надгробную речь.

– Мы не выбирали себе бога. Не выбирали пророков. Не выбирали пастырей. Не выбирали войны, в которых нам пришлось участвовать. Мы не выбирали себе беды и несчастья. Тот, кого мы сегодня хороним, решал за нас. Мы не выбирали свою судьбу. Не по своей воле мы были мирными. Тот, кого мы хороним сегодня, решил, что так будет лучше для нас. Теперь, когда он умер, мы можем увидеть все, что он создал, и можем судить об этом. Он во всем ошибся. Он потерпел фиаско. Поражение. Он пытался, но не сумел. От его народа. Без обиды.

Тяжелый камень опускается на мою могилу. Колокола звонят все громче.

– Проснись!

Я открываю глаза и вижу потолок камеры. Я тут же зажмуриваюсь.

Он пытался. Но не сумел. От его народа. Без обиды.

Хочется спать. Долго спать. Сон вполне может стать смыслом моей жизни. Спать и видеть сны.

Мне снится, что моя душа только спит. Как Спящая красавица в заколдованном лесу. Я заснул бы как только родился. Меня кормили бы через капельницу. Я бы медленно старел, без болезней, увечий, побед, поражений, выбора, а значит, риска совершить ошибку.

Без чувства вины.

Я бы ничего никогда не делал.

Это была бы жизнь, в которой я закрыл бы глаза и летал в вымышленных мирах, где любой мой поступок остался бы без последствий.

Легкий поцелуй. Попытка разбудить меня.

Второй. Более глубокий.

Я приоткрываю глаза.

Запах.

Это не Мата Хари.

Губы.

Это не Мата Хари.

– Ты очень беспокойно спал. Ты пинался во сне, – говорит кто-то. Лицо напротив меня круглое, розовое, улыбающееся.

– Я хотела быть с тобой в последней главе, – сказала она, целуя меня в лоб. – Хочу, чтобы ты знал, что я всегда была с тобой и буду еще долго.

Афродита спрыгивает с кровати, и я вижу ее великолепное нагое тело. Она быстро одевается, пританцовывая.

– Мне пора уходить, Мишель. Но я все сделаю, чтобы спасти тебя. Сделаю что угодно.

Едва она выскальзывает за дверь, как в камеру с шумом входят кентавры. Они хватают меня, заставляют одеться.

Я покорно выполняю их требования.

Кентавры ведут меня в Амфитеатр, в котором на этот раз устроили зал суда.

Двенадцать богов-преподавателей сидят за длинным столом. Зрители заняли свои места. Для них это просто продолжение вчерашнего спектакля.

Афина встает и ударяет в гонг.

– Обвиняемый Мишель Пэнсон, встаньте!

Я медленно поднимаюсь. Боги-преподаватели начинают обсуждать процедуру суда, спорить о том, как вести это необычное дело. Наконец они достигают согласия. Если я правильно понял, моим адвокатом будет Дионис. Аполлон выступит от обвинения.

Афина, назначенная председателем суда, ударяет молотком по столу, призывая присутствующих к порядку.

– Слово предоставляется обвинителю.

Аполлон называет меня циничным убийцей-рецидивистом. Напоминает, что я убил двоих конкурентов в игре – Люсьена Дюпре и Ксавье Дюпюи, а также одного кентавра. Подчеркивает, что я плохо играл, жульничал и не желал признать поражения. Он оглашает законы Олимпии и утверждает, что я нарушил их все. Говорит, что с самого начала я был «нарушителем спокойствия». Даже играя свою партию на Земле-18, я злоупотреблял чудесами, создавал слишком много пророков, потому что не мог держаться в указанных рамках.

Атлант, которого вызвали как свидетеля, заявил, что я жульничал, тайно проникнув в его дом и вмешавшись в игру во время перерыва, а именно: послал своему народу мессию, которого

называли Просвещенным.

Свидетель Гермафродит указал, что я разгромил его лабораторию, освободил химер, многие из которых до сих пор скрываются в голубом лесу, в связи с чем существует опасность возникновения множества непредсказуемых гибридов.

Сирены, которых в зал суда доставили в переносном бассейне, исполнили песню о том, что, желая переправиться через реку на плоту, я бил их палкой.

Я задумчиво улыбался.

Не гражданин Эдема, а настоящее чудовище.

Дальше все продолжалось в том же духе. Трехголовая химера рассказала, что я едва не свел ее с ума при помощи зеркала. Медуза Горгона заявила, что я учинил беспорядки не ее скульптурных полях.

Не хватает, только чтобы они пригласили огромного кита, который проглотил нас с Сент-Экзюпери. Он мог бы пожаловаться на то, что из-за меня у него несварение желудка.

Слова просит Рауль Разорбак. Он требует, чтобы его вызвали как свидетеля. Афина разрешает ему выступить.

Мой старый друг говорит, что как бог-ученик я выполнял свою работу безупречно. Что через своего пророка Просвещенного я распространил в мире смертных согласие, толерантность, стремление к знаниям. Он также говорит, что если иногда я и был неловок, то это происходило не по злему умыслу, а от моей наивности и веры в то, что в мире существуют только добро и зло.

Судьи явно раздражены тем, что победитель защищает проигравшего. Рауль напоминает, что мои люди-дельфины никогда не захватывали соседние страны, никого не обращали насильно в свою веру. Они всегда способствовали прогрессу и развитию стран, дававших им убежище, и подвергались гонениям со стороны завистников.

– Любому игроку такое положение может показаться несправедливым, кто угодно может потерять терпение и самообладание, – говорит Рауль в заключение. – Я сам на его месте в подобных обстоятельствах скорее всего поступил бы так же.

Несколько человек аплодируют, Афина стучит молотком, требуя тишины.

Дионис, мой защитник, берет слово после Рауля. Он снова напоминает о вкладе моего народа в развитие цивилизации на Земле-18. Утверждает, что я поднялся на Гору, чтобы встретить Зевса, движимый тягой к знаниям. Он говорит, что я убил богоубийцу, который доставил нам так много проблем, и все только и мечтали, как бы от него избавиться.

– Это так называемое преступление – на самом деле общественно полезный поступок! Мы все должны были бы поблагодарить Мишеля Пэнсона, как благодарили бы полицейского, который ликвидировал серийного убийцу.

Зрители свистят, улюлюкают, хохочут. Раздаются крики: «Смерть Пэнсону! Смерть Пэнсону!» Афине приходится отчаянно колотить молотком по столу, чтобы успокоить разбушевавшуюся толпу.

Начинаются дебаты о том, «является ли преступлением убийство убийцы». У каждого бога свое мнение по этому поводу.

Я устал.

Слева раздается тихий шорох крыльев, это прилетела сморкмуха. Крошечная девушка с крыльями бабочки садится мне на палец и улыбается.

– Похоже, я тебя знаю, – шепчу я ей.

Она покачивает головой и встряхивает рыжими волосами.

– Я знал тебя на Земле-1? Мы были друзьями?

Кажется, это выражение сильно ее насмешило, но она кивает.

– Мы любили друг друга?

Она снова кивает, взъерошивает свои волосы, кусает мой ноготь и взлетает. Теперь она порхает вокруг.

Слова требует Посейдон. Стоя перед Афиной, бог морей выражает свое глубокое уважение богу людей-дельфинов, которые сумели внести оживление в мир, погрязший в рутине и обыденности.

– Да, ученики шестнадцатого и семнадцатого выпусков не нарушали правил и не убивали, но, вспомните, господа преподаватели, как мы отчаянно скучали, наблюдая за их абсолютно предсказуемыми действиями.

Еще один свидетель, Арес, считает, что меня обрекло на провал то, что мой народ лишен воинственности. Бог войны говорит, что я трус. По его мнению, я должен был собрать огромную армию, захватывать и порабощать, потому что именно в этом и состоит задача богов. Он говорит, что я вел себя как шахматист, который отказался бы есть фигуры противника. То, что я делал, было антиигрой, а это всегда оказывается жалким зрелищем. В заключение он заявляет:

– Очевидно, господин Пэнсон во имя примитивных моральных принципов хотел, чтобы все народы жили в мире и согласии. Он, кстати, создал несколько международных организаций, которые занимались демилитаризацией планеты. Это вообще ни в какие ворота не лезет! Все равно как если бы гладиаторы договорились бы не драться на арене!

Новый взрыв эмоций среди зрителей: топот, аплодисменты, свист, выкрики.

Богиня охоты Артемида напоминает, что я достаточно хорошо играл, раз продержался до финала, что само по себе довольно трудно.

Я смотрю на Афродиту, которая, несмотря на свое обещание спасти меня, не раскрывает рта. Она молчит и ей, похоже, совершенно безразлично, что со мной будет. Она даже не смотрит в мою сторону и кажется погруженной в свои мысли.

Боги-преподаватели снова начинают спорить – на этот раз о том, что считать самообороной, о необходимости защищать свои народы, о морали цивилизаций и этике богов.

Все они сходятся в том, что, защищая свой народ, я был ярким приверженцем морали, но в то же самое время был совершенно аморален по отношению к своим противникам.

Афина объявляет, что судьи удаляются на совещание.

Двенадцать богов-преподавателей Олимпа оставляют меня один на один с толпой зрителей, с жителями Эдема, которые, перешептываясь, разглядывают меня.

Я закрываю глаза и снова пытаюсь уснуть, чтобы сбежать из реальности, которая мне не нравится.

Мне хочется снова увидеть утренний сон, с того места, где он оборвался. Эдмонд Уэллс рассказывал мне об «управляемом сне».

Нужно заснуть, держа в голове начало истории. Как только тебе это удастся, сон продолжится так легко, как поезд катится по рельсам. Эдмонд Уэллс утверждал даже, что в лесах Малайзии есть племя, сенау, которое три четверти жизни проводит во сне.

Я попытался.

Я могу спать и в то же время действовать.

Действовать во сне.

Я должен победить.

Лежа в воображаемом гробу, придавленный надгробным камнем, заваленный землей, под заколоченной деревянной крышкой, я открыл глаза. Темно, пахнет нафталином. Я ворочаюсь, пытаюсь схватить анкх.

Нажимаю на пуск и взрываю дубовую крышку. Вкапываюсь из-под земли наверх, на воздух. Раскалываю надгробный камень. Вылезаю на поверхность. Отряхиваюсь.

Сажусь на катафалк, над которым все еще развеваются флаги с дельфинами. Я вижу процессию шахматных фигур, мужчин и женщин, и обращаюсь к ним.

Так, словно после того как меня судили боги Олимпа, я предстал на суд своего народа.

– Я здесь, я вернулся и готов говорить с вами, – объявляю я.

Мое возвращение из гроба, из-под земли преобразует мой народ. Деревянные лица становятся человеческими. Я даже узнаю нескольких вождей людей-дельфинов: первую старую женщину, плававшую с дельфинами, толстого медиума, бежавшего на корабле, увозившем людей-дельфинов к Островам Спокойствия, Просвещенного, Связующего, Утописта, Аналитика.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)